

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ ИТАЛИИ

Сборник
Волшебные сказки Италии

«Седьмая книга»

2014

Сборник

Волшебные сказки Италии / Сборник — «Седьмая книга», 2014

Даже взрослые с удовольствием будут читать эти восхитительные, словно сама Италия, сказки! Что, вы еще не были в Италии? И вы не знаете, почему итальянцы так часто улыбаются, а итальянские дети самые веселые на свете? Тогда вот самый главный секрет Италии – это волшебные итальянские сказки, именно от них и происходит неугомонный и задорный дух каждого настоящего итальянца! Этот старинный итальянский секрет сегодня передается вам. Настоящая россыпь драгоценных камней, магия и торжество добра, мудрость народа, сочные и яркие чувства – вот чем сегодня делимся мы с вами, пусть и в вашей семье тоже светит солнышко и царит волшебная итальянская СКАЗКА!

Содержание

Король-олень	5
Любовь к трем апельсинам	17
Принцесса Турандот	24
Маттео и Мариучча	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Волшебные сказки Италии

Король-олень

В одном удивительно красивом, теплом и солнечном королевстве жил волшебник по имени Дурандарте. Это был его родной край, который он очень любил. И вот, чтобы в этом смешном и несовершенном мире царили справедливость и спокойствие, Дурандарте подарил юному королю Серендиппа – Дерамо – две чудесные вещи. Первая – две мраморные статуи, одна из которых помогала бы определять искренность и добрые или злые намерения людей. Вторая – заклинание, способное спасти жизнь молодому королю, если будет грозить опасность.

До поры до времени король Дерамо не собирался использовать волшебные подарки, хотя среди его придворных, как обычно, царили зло и добро, зависть и любовь, преданность и предательство. Интриги и свадьбы тоже были!

Никто и никогда не узнал бы эту историю, если бы не веселый Чиголотти. Ну, нет такого в солнечной стране события, о котором бы он не знал! Еще бы! Ведь он, Чиголотти, прислуживал сорок лет самому Дурандарте, великому магу и волшебнику. Именно ему, Чиголотти, чародей доверил принести в Рончислапский лес Попугая, который должен был спасти великую любовь! Это удивительное событие произошло много-много лет назад. Жаль, что кое-кто уже стал забывать прелестную историю любви короля Дерамо и очаровательной Анджелы.

А все начиналось так...

Молодой и красивый король Дерамо не верил в искренность женской любви. Разве скажет женщина правду, если быть женой короля выгодно? Страсти бушевали среди придворных: каждый мечтал выдать замуж за красивого и умного короля свою дочку, сестру или племянницу! А недостатка в невестах среди придворных дам не было. Ох, как не хотелось королю Дерамо иметь жену, в верности и любви которой он не мог быть уверен. Столько красавиц пыталось прельстить Дерамо умными разговорами, нарядами и кокетством! Больше двух тысяч девушек остались без королевского признания их прелестей! Король Дерамо остался холост и холост.

Хитрый Тарталья, первый министр короля и его личный секретарь, очень рассчитывал сделать женой короля свою красавицу дочь Клариче. «Разом двух зайцев убить! – размышлял он. – И дочка станет королевой, и власть сумею прибрать к рукам».

Свой замысел Тарталья продумал до мелочей. В беседах с королем он постоянно сетовал на то, что у короля нет наследника:

– Вот женились бы, Ваше Величество, и, гляди, сыночек подрос бы. И охотились бы вдвоем, и с государственными делами управлялись бы...

Дочери Тарталья твердил изо дня в день:

– Ты должна стать королевой! Если не понимаешь, глупая, то грош тебе цена! За пекаря простого отдам!

Клариче плакала:

– Батюшка, – говорила она, – вы же знаете, я люблю другого!

– Сравнила своего Леандро, сынка несчастного мелкого вельможи Панталоне, с самим королем! И слушать не хочу!

О главной же причине своего коварного замысла Тарталья никому не рассказывал. А заключалась она в том, что старый, толстый лис Тарталья сгорал от любви к сестре Леандро – Анджеле! Овдовевший давным-давно, хитрый придворный грезил ночами о хрупкой, юной красавице Анджеле. Наблюдая за ней во время пиршеств и балов, он знал точно: сердце девушки принадлежит королю Дерамо. Сколько раз он ловил ее влюбленные взгляды, обращенные на Дерамо!

«Немедленно женить короля! – бесился Тарталья. – Нужно навсегда отрезать ей путь к королю. Она будет моей, чего бы это ни стоило!»

Капля и камень точит! Наконец, Тарталья уговорил короля Дерамо присмотреть себе достойную пару среди очередных двухсот девушек – красивых и не очень. Первому министру удалось главное – он сам составил список девушек для представления королю. И кто б сомневался, первой в этом списке была его дочь Клариче.

– Я не пойду к королю! – упрямилась красавица. – Он все равно узнает, что мое сердце принадлежит Леандро! Тогда я буду навеки опозорена.

– Не смей мне перечить! – Тарталья даже не допускал мысли, что его замысел потерпит крах из-за капризов взбалмошной девчонки. – Или твое тело, одетое в лучшие платья королевства, таит скрытое уродство?

– Нет, отец, не в этом дело...

– Все! Хватит перечить! Иди в кабинет короля и завоюй его сердце, иначе... – и Тарталья втолкнул дочь в комнату, где король собирался беседовать с девушками. Причем, Дерамо приказал, чтобы никто ему не мешал. Король желал разговаривать наедине.

Тем временем, Панталоне, отец Леандро и Анджелы, вошел в комнату дочери:

– Девочка моя, тебе предстоит разговор с королем. В списке ты – третья! Готова ли?

– Я не могу, отец! – краска смущения залила лицо Анджелы, изящное, тонко очерченное.

– Но почему? Две тысячи с лишним дам уже прошли испытание, еще двести девушек готовятся...

– Не могу... Я люблю короля Дерамо! Если он не захочет видеть меня своей женой, я умру от горя. Это не просто беседа с королем, отец. Это вопрос моей жизни и смерти, понимаешь?

– Да, дочь моя, понимаю. Я просил короля, чтобы он не включал тебя число девушек, с которыми собирается поговорить, но он сказал: «Я должен встретиться со всеми без исключения. Решается вопрос: будет королевство с королевой или нет».

– Что ж, от судьбы не уйдешь. Постараюсь быть искренней, отец. И пусть моя любовь спасет меня! – в волнении Анджела приникла к груди Панталоне, второго министра короля Дерамо и отца этой прелестной девушки.

В это же время прелюбопытнейшая сцена разворачивалась в другом доме Серендиппа – доме Бригеллы, дворецкого короля Дерамо.

– Господи, – стонал Бригелла, глядя на наряд сестры Смеральдины, – за что ты меня покарал этим чудовищем?

– Братец, ты ничего не понимаешь в дамских уловках! – Смеральдина вертелась перед зеркалом, собираясь на беседу к королю. Наряд она выбрала себе, действительно, потрясающий всякое воображение! Веер из перьев на голове, веер из перьев в руках, платье канареечно-желтого цвета могло сразить наповал только слепого. – А вот я тут еще кое-какие стихи приготовила. Например, из творений Ариосто или песнь Армиды Тассо, роль Кориски из «Верного пастуха». Хочешь, изображу?

– О, нет! И руки опусти – тебе возраст скрывать надо, а не показывать обвисшую кожу. Боюсь, что все напрасно... Вот что, дорогая сестрица, на свидании с королем отвечай только на его вопросы. Не суетись и ничего не придумывай. Может хоть так удастся не опозориться! – Бригелла понял, что Смеральдина вряд ли станет королевой, а он главнокомандующим. Но приказ короля надо выполнять! И Бригелла подтолкнул сестру к двери:

– Иди уже!

Внезапно дверь распахнулась, и вошел Труффальдино. В королевстве он был главным птицеловом, поэтому, чтобы быть неприметным среди кустов и деревьев, Труффальдино носил зеленый костюм. Хоть бедняга и поглядывал иногда на Смеральдину с вожделением, нынешний ее наряд заставил птицелова прикрыть глаза рукой – желтизна платья резала глаз. Он – в зеленом, а она – в желтом! Какое прекрасное сочетание для балагана или ярмарки!

Бригелла обреченно вздохнул:

– Пропусти нас, Труффальдино! Мы опаздываем!

– Смеральдина, ты обещала за меня выйти замуж! – птицелов растерялся. Как он будет объяснять друзьям, что над ним просто посмеялась престарелая красотка?

– Не слушай, сестра, этого птицелова! Тебя ждет лучшая судьба! – и Бригелла, словно тараном, отодвинул Труффальдино телом Смеральдины. – Вперед, сестра, к трону!

Глядя им вслед, птицелов только покачал головой и улыбнулся. С такой внешностью и душевной простотой никуда от него красотка не денется: вряд ли она приглянется умному королю.

А Леандро, влюбленный в Клариче, переживал больше. Его избранница была прекрасна, молода и умна. Всякое могло случиться!

Тем временем, король был готов сделать выбор. О наследнике, действительно, пора было подумать. Трудность заключалась в том, что Дерамо не верил в искренность женщин, знал характеры придворных дам. Это означало, что наступил момент, когда он должен использовать одну из тех волшебных вещей, которые ему подарил чародей Дурандарте. Это была та мраморная статуя, которая стояла в его кабинете и могла подсказать правильное решение. Никто не знал, даже Тарталья, о том, что она может оживать и давать советы.

– Ну что, дружище, – обратился к статуе король Дерамо, – посмотрим, способна ли хоть одна из девушек быть искренней!

Статуя насмешливо улыбнулась. Вытесанная из Каррарского мрамора, который имеет цвет нежно-розового оттенка, она выглядела почти живой даже тогда, когда не шевелилась. Каждая из девушек, разговаривая с королем Дерамо, должна была находиться между статуей и королем. По мимике статуи король собирался определять, насколько можно верить претендентке на трон.

И вот, дверь отворилась, и в сопровождении стражи вошла первая девушка – Клариче.

– Прошу вас, – пригласил ее подойти ближе король. – Ваш отец – замечательный министр. Он много сделал для государства и лично для меня, поэтому с его дочерью я буду говорить с должным уважением. Будьте искренни, будьте собою – вот и все!

– Да, Ваше Величество, спрашивайте! – Клариче раздирали сомнения. Либо она угодит отцу и погубит свою жизнь, либо скажет правду о своей любви к Леандро и тем самым навлечет на себя гнев Тартальи.

– Вы хотите стать моей женой? – Дерамо смотрел на девушку, щеки которой мгновенно зарумянились от волнения, а краем глаза наблюдал за ликом статуи за спиной Клариче.

– Да, Ваше Величество! – на более длинную фразу у Клариче не хватило сил.

Лик статуи остался недвижим.

– Вы любите меня? – король продолжал всматриваться в выражение на лице статуи.

– Вас невозможно не любить! – девушка говорила, а в этот момент в памяти ее еще остывал на губах нежный поцелуй Леандро.

Король не сводил глаз со статуи, но та по-прежнему была бесстрашна. «Может, чары Дурандарте не действуют?» – мелькнула в его голове мысль.

– Вы любите только меня или есть в этом мире еще человек, который вам дорог? – король пытливо взглянул на Клариче.

«О, отец, какую тяжесть мне приходится нести!» – Клариче покраснела.

– Да, Ваше Величество, только вы мне бесконечно дороги! – и девушка обреченно опустила голову.

И тут статуя развеселилась: король увидел, что мраморное лицо ее засветилось улыбкой!

«Есть! Так я и предполагал! Женщинам верить нельзя!» – Дерамо тоже улыбнулся:

– Ну, что ж! Благодарю вас, милая Клариче! О своем решении я сообщу позднее. Будьте счастливы, красавица!

Едва держась на ногах от волнения, Клариче вышла.

Король Дерамо был доволен: разговор с девушкой только утвердил его в мнении о женщинах. «Да нет на свете ни одной, которая солгать бы не сумела! О! А это кто еще?» Дерамо, пытаясь сдержаться от хохота, смотрел на чучело в желтом платье, с перьями на голове и в руках. Это «оперенье» почти полностью скрывало лицо и грудь. Дама часто кланялась и вообще двигалась к королю как-то странно: реверансами, поклонами, отчего у Дерамо от мельтешения яркого пятна заслезились глаза. Или это приступы смеха, которые он сдерживал, вызвали слезы?

– Кто вы? – король мучительно боролся с этими приступами.

– Ах, король, как приятно войти к вам таинственной незнакомкой!

Чтобы хоть как-то справиться с собой, Дерамо широко улыбнулся. Это помогло: «Незнакомка» убрала веер из разноцветных перьев, и король узнал Смеральдину:

– А-а-а! Вы, кажется, сестра моего дворецкого!

– Да, Ваше Величество! Мы с братом состоим в родстве с древнейшим родом ломбардийцев! – пухлое лицо сорокалетней Смеральдины изобразило важность.

Силы оставили короля – он расхохотался! Потом, все-таки, постарался взять себя в руки:

– Извините! Это я от радости, что вижу вас! Скажите, вы и в самом деле так любите меня, как тщательно трудились над подбором платья?

– О, мой король! Гораздо больше! Я жизнь свою готова посвятить тому, чтоб вашу жизнь счастливой сделать!

«Думаю, на эти ратные труды ей мало времени осталось», – Дерамо вспомнил о статуе. Та молча хохотала.

– Я так и думал! – это вслух Дерамо произнес. – Скажите, а сердце крепкое у вас? Ну, если вдруг меня не станет, как долго проживете без меня?

– Злодей! – у короля даже лицо вытянулось, когда он услышал такое. А Смеральдина продолжала: – Жестокий! Вы будете жить вечно!

– Да ну! Неужто? Все мы смертны! – король снова взглянул на статую. Глаза ее были закрыты руками в бессильном приступе смеха. Беседовать королю с этой «влюбленной канарейкой» становилось уже скучно. – Благодарю вас, преданностью и любовью я сражен.

Смеральдина, все так же кланяясь, ушла.

Тут король, не выдержав, дал волю чувствам! Давно он не смеялся так. «Нет, видимо, придется умереть мне холостым. Был прав я: женщины пусты. Надеяться на верность их – напрасно тратить время. Еще с одной поговорю – и будет! Жизнь сама рассудит, был ли прав...» Король некстати снова вспомнил о Смеральдине и засмеялся...

В этот миг вошла Анджела.

«Вот чудо! Было б славно, если бы Анджела изменить смогла мой взгляд на женщин! Помогите мне, изваяние, понять, что скрыто в сердце дивного цветка!» – король Дерамо, прекратив смеяться, внимательно взглянул на девушку и перевел свой взгляд на статую.

– Прошу, присядьте! Рад вас видеть!

– И надо мной решили посмеяться? – вспыхнула Анджела.

– Ничуть, Анджела! Меня мучит лишь вопрос, зачем отец ваш так просил избавить от свидания со мной? Я вам не мил?

– Наоборот, Ваше Величество! То есть, хочу сказать, что я люблю вас, а отказ испепелит мне сердце. Вы стольким девушкам сказали «Нет!», что быть одной из них мне очень больно. Уж лучше бы не пробовать совсем, так есть надежда...

– Вот странно! – король смотрел на статую, но та молчала, бесстрастно глядя и не подавая знака. – Вы правду говорите?

– Зачем вам правда? Вы настроены смеяться – надо мною, над другими, что вереницей шли от вас, сгорая от стыда. Так горько, что и мне придется...

«Изваяние! Да что ж молчишь ты? Неужели девушка так искренна?» – душа у короля затрепетала в ожидании восторга.

А статуя молчала.

– Я, может быть, не так вас понял? Вы влюблены в другого? Вас отец неволит и силой хочет выдать замуж за меня? Ведь так?

– Хотя вы король, скажу вам прямо: напрасно вы затеяли смотрины. Девушки страдают, а вам смешно! Нельзя так! И если рану у других затянет время, для меня отказ ваш станет вечной пыткой.

Король Дерамо посмотрел на статую – она молчала!

– Позвольте мне признаться тоже. Анджела, я люблю вас! Эй, слуги! Позовите всех господ! Я должен объявить свое решение!

– Не надо говорить при всех! – и девушка заплакала. Она и правда думала, что ждет ее отказ, объявленный при всех. Ведь это казнь!

Но поздно: в приемной короля собрались дамы, придворные и кавалеры разных стран.

– Я выбрал королеву! Вот она! – Дерамо подошел к Анджеле, взял за руку и повернул лицом ко всем. Он мельком посмотрел на статую. Дерамо показалось, что подмигнуло изваяние ему.

Панталоне, отец Анджелы, был счастлив:

– Благодарю вас, Ваше Величество! Семья в восторге! А ты, родная, – тут Панталоне обратился к дочери, – будь достойна!

– Но почему Анджела? – злоба клокотала в душе Тартальи. – Чем хуже дочь моя – Клариче?

– Клариче влюблена в другого кавалера, – Дерамо улыбнулся. – Сейчас открою тайну. Взгляните на скульптуру – она живая. Это подарок Дурандарте. Скульптура может отличить, насколько искренни слова любой из женщин. Жаль, что с ее помощью нельзя определить, кто друг, а кто есть враг среди мужчин.

– Так я убью Клариче сам за то, что ложью посмела оскорбить вас, мой Владыка! – лицо Тартальи было красным от прилива крови и бешенства, что бушевало в нем. Еще бы! И дочь не стала королевой, и хитрый лис навечно потерял Анджелу – предмет последней в жизни страсти.

– Зачем так грозно! – рассмеялся счастливо Дерамо. – Я лучше уничтожу статую – нет больше в ней нужды. Всех приглашаю в храм. С Анджелой мы венчаемся сегодня. Потом устроим пир и славно развлечемся на охоте. Идем, любимая! – и король повел невесту к алтарю.

«Проклятье! Венецианка ускользнула из рук моих. Нет, не прощу. Месть страшную придумаю и буду наслаждаться результатом долго!» – Тарталья стал продумывать шаги для осуществления мечты. Первый министр поспешил домой, чтобы в тиши продумать план. В дверях столкнулся с дочерью, Клариче:

– Как ты посмела все разболтать Дерамо?

– Статуя...

– Да хватит мне напоминать об этом «говорящем камне»! Как смела ты влюбиться в дерзкого мальчишку Леандро! Ты все испортила, безмозглая девчонка.

– Леандро – брат королевы. Нет дурного в том, что выйду замуж за него.

– Уйди! Меня и без твоих идей трясет от злости! – раздраженный Тарталья так и не смог добраться до своего кабинета. Его настиг Леандро:

– Прошу руки Клариче!

– Ты для того явился, чтоб о моем позоре не забыл я? Прочь с дороги! Потом! Сейчас охота началась, и я спешу.

Тарталья бросился к дворцу, где собирались всадники. «Охота? Это кстати! Судьба, доставь мне случай расправиться с обидчиком, прошу! Разведать надо, в чем слабость короля,

в чем суть второго дара мага Дурандарте!» – гнев, бешенство и горечь от утраты превратились в четко обозначенную цель. Рончислапский лес – вот где решится все в момент охоты!

Не знает хитрый лис, Тарталья, что Попугай – волшебник Дурандарте – уж пущен Чиголотти в Рончислапский лес. Второй подарок чародея очень скоро понадобится королю.

И вот, веселье началось! В погоне за оленем Тарталья старался находиться рядом с королем, надеясь на удачу. Цель одна: оставшись как-нибудь наедине, сразить соперника ударом в спину.

Тут случай подвернулся! Король Дерамо, любуясь рощей, засмотрелся вдаль. Не медля ни мгновенья, Тарталья навел мушкет...

– Как чудно здесь, не правда ли мой друг? – Дерамо резко повернулся, но «верный друг» успел быстрее опустить ружье.

– Надеюсь, что без дичи не вернемся, – пробормотал толстяк.

Так получалось дважды: лишь только дуло наводил министр на цель, король, пытаясь поддержать беседу, к Тарталье обращался:

– Где-то здесь мне подстрелить оленя удалось!

– Да, помню! – с досадой произнес убийца. Он чувствовал: решимость тает, а руки начинают предательски дрожать.

– Что с тобой? Ты чем-то опечален? – король пылливо глянул и вздохнул.

– Нет, я счастлив оттого, что блеском полон день, принесший вам любовь! – Тарталье безумно тяжело было так долго притворяться.

– И все же что-то мучает тебя, скажи! Мы столько вместе пережили побед и поражений, что за долг почту послушать исповедь. Так что же?

– Мой король, в делах сердечных я вам не советчик больше. Но тайной с другом поделиться не решились почему? Мне грустно оттого, что столько лет служу, а веры вашей все же не заслужил. Ведь, кроме статуи волшебной, есть еще от Дурандарте дар. А вы – ни слова... Мне обидно!

– Ты прав! Я докажу свою мужскую дружбу вот этим... – и король Дерамо достал листок бумаги, на котором начертано было заклятье. – Смотри! Волшебные слова мне помогали в битвах за добро. Мне стоило произнести заклятье – и душа моя влетала в тело животного, другого человека или птицу. Я мог быть всем, все видеть и все знать! Одно печально: тело, в которое я проникаю, должно быть неживым. Мое же тело, покинутое духом, тоже станет мертвым.

– И это навсегда? – надежда отомстить министра вдохновила. Глаза зажглись, а руки потянулись к листку бумаги.

– Нет! – Дерамо засмеялся. – Я же тут, с тобою! Вот охотимся сейчас, хотя не понимаю, куда все остальные подевались! Точно так же, как проникаю в неживое тело, вернуться я могу в свое. И снова жить! Ну, как тебе заклятье?

– Это диво! – Тарталья восхитился возможностью покончить с ненавистным королем и завладеть Анжелой, королевством. – Значит, я, сказав слова заклятья над мертвым ишаком, им стану?

– Возьми, Тарталья, это «диво», как ты сказал, и пользуйся. Пусть это станет знаком моего доверия к тебе.

– Благодарю, мой Властелин! Теперь я знаю, что должен сделать! – и министр, встав на колени, потянулся с поцелуем к руке Дерамо.

– Оставь, Тарталья, глупости – вставай, идем! Здесь дичью и не пахнет! – Дерамо повернулся, скрылся в зарослях кустов.

Лукавый старый лис шел следом, пытаясь заучить волшебные созвучья:

«Кра кра триф траф нот сгнифлет

Канатаута риогна».

– Чертовщина какая-то! Ни выучить, ни произнести! – стремление к мести помогло запомнить Тарталье странные слова.

– Тарталья, скорей сюда! – вдруг слышит шепот короля министр. – Здесь два оленя! Красавцы-то какие!

«Вот и случай!» – обрадовался негодяй.

– Один пусть вашим будет, другой – моим! Стреляем! – два выстрела слились в один – олени пали.

– Добыча хороша! Анджеле сделаю подарок! – Дерамо был доволен.

– Вот бы нам сейчас попробовать слова заклатья! – лукавый лис придумал, как избавиться от короля.

– А что! Охотников не слышно, в оленей можно превратиться, подняться на холмы и насладиться сказочным пейзажем. Попробуем? – азартом юности Дерамо отличался.

– Страшновато... – Тарталья роль свою играл отменно.

– Да ладно, первым буду я, а ты – за мной! – король пробормотал заклатье и бездыханным пал. Олень с душой Дерамо приподнялся, вскочил – и скрылся в зарослях кустов.

– Вот и чудесно! Все, как я мечтал! – Тарталья над мертвым телом короля проговорил заклатье – встал живым Дерамо. Тарталье-трупю голову отсек, в кусты забросил вместе с телом. – Все! Дело сделано! Вот только б заиканье не выдало меня! Теперь задача – убить оленя с душой Дерамо.

Внезапно послышались звуки охотничьих рожков, причем, совсем неподалеку.

– Отлично! Все складывается к лучшему: дам задание убить оленя. Эй, сюда! – Тарталья в сильном теле короля почувствовал себя прекрасно: одышка, боль в ногах прошли мгновенно.

Появились охотники: Бригелла и Панталоне с сыном, Леандро.

– Да скорее же! Из двух оленей одного убил я! – закричал Тарталья в облике Дерамо. – А за вторым погнался мой министр, Тарталья, – и министр махнул рукою в сторону холма.

И вдруг из зарослей старик явился – нищий, грязный...

– Оленя видел? – не спросил, а зарычал Тарталья.

– Нет, я не видел никого... – промолвил человек, на посох опираясь.

Тарталья подскочил и, выхватив тот посох, ударил старика по голове. Тот упал.

– Что с королем? – Леандро в ужасе застыл. – Зачем?

Панталоне и Бригелла вовсе онемели.

– Прик-к-каз не слышали? А ну, вслед за оленем ступ-п-пайте и немедленно уб-б-бейте! И Тар-р-рталью поищите, как бы с ним чего плохого не случ-ч-чилось!

Охотники отправились вдогонку, обсуждая между собою странность заиканья и зверства, не присущего Дерамо.

Тарталья поспешил домой. Ему отчаянно хотелось поскорее завладеть Анджелой.

Король-олень, тем временем, спасаясь от беды, стремился не попасть под выстрел. Он вышел на поляну, где недавно говорил с Тартальей, и увидел тело старика, убитого предателем – министром.

«Что же делать? Я не могу предупредить Анджелу об опасности, не превратившись снова в человека. Прости, старик, ты тоже жертвой пал преступных замыслов. Позволь мне стать тобою, и я смогу отомстить и за тебя, и за себя!» – думал так король-олень и спешно говорил над трупом нищего слова заклатья. Диво случилось! Старик с душой Дерамо поднялся, а олень свалился замертво. Такой тяжелой оказалась дорога к дому, к Анджеле любимой! Исчезли сила, молодость и крепость ног. Отражение в прозрачных водах и вовсе испугало:

«Как мне явиться перед Анджелой в таком обличье? Примет ли меня, пусть даже и узнает? Ну, злодей, Тарталья, погоди же! Ты заплатишь по счетам! И все же, сомненья

мучают... Вдруг негодяй воспользовался тем, что Анджела не знает правды! Скорей! Я должен торопиться!»

И дряхлый старец с сильною душой Дерамо поспешил домой.

Всего на несколько минут он разминутся с Труффальдино, птицеловом, что пришел обычным заниматься делом – ловить пернатых. Силки и сети расставляя, он думал о Смеральдине: «Да курица безмозглая умнее, чем Смеральдина! Ухаживал, одаривал – в ответ кокетство и измена... Странно! Что хочет этот Попугай? Совсем ручной – не улетает!»

Вдруг услышал Труффальдино чей-то голос:

– Ой, кто тут? – птицелов стал обходить кусты и под одним из них увидел труп Тартальи. Отсеченная голова лежала рядом. – Вот это да... Что здесь произошло?

Труффальдино хотел бежать, оставив все, как есть, но тут заметил оленью тушу с отметиной на мертвой голове:

– Да это же олень, который королем приказано убить! Обещана награда! Кажется, удача меня решила сделать баловнем судьбы.

– Не отвлекайся, бездельник! – птицелов присел от ужаса, решив, что это труп с ним говорит.

– М-м-м-м... – замычал он, не придумав сразу, что сказать в ответ. Птицелов сообразил, что звук идет не от Тартальи: голова и тело министра лежали смирно. Труффальдино посмотрел назад – там, на кусте, таращил глаз веселый Попугай.

– Что смотришь? – проговорила птица. – Я Дурандарте – маг и чародей. Возьми меня и отправляйся к королю. Очнись, скульптура с сетью! Обещаю много денег, если доставишь быстро!

Услышав слово «деньги», Труффальдино мигом все собрал: оленя, Попугая и силки. Мысль о награде подгоняла и давала силы.

Пока в лесу происходили дивные события, Тарталья поражал воображение придворных во дворце.

Его не узнавали! Вернее, король был тем же красивым молодым Дерамо, но что-то приключилось с его нравом: грубость и надменность распугали всех. Особо тяжело пришлось Анджеле.

– Голубка, вы – жена моя! Хочу напомнить, что согласие стать ею вы дали добровольно. Что могло случиться, пока я на охоте был?

– Не знаю, сударь, мучаюсь в догадках! Перед собой я вижу короля Дерамо, а сердце шепчет: «Нет! Прочь от личины, внутри корой только пустота и зло!»

«Ей кто-то рассказал? – мелькнула в голове Тартальи мысль. – Нет, быть этого не может! Свидетель лишь один – олень, а он в лесу, за ним идет охота по моему приказу...»

– Любимая! Быть может, лихорадка вас сразила? Лучших лекарей к вам пригласим. Они вам пустят кровь – и все пройдет! – Тарталья, сгорая от срасти попытался обнять и поцеловать Анджелу, но в гневе оттолкнула красавица его.

– Не смейте подходить ко мне! Я вас не чувствую, как прежде. Вас я не люблю!

Отчаянье хлестнуло острой болью растерянную душу Анджелы: «Что происходит? Почему так?»

– Простите, сударь, я уйду к себе. Мне надо разобраться и подумать, – и девушка скользнула в комнату, захлопнув дверь, едва не стукнув по лбу Тарталью – мнимого Дерамо.

Министр от злости пнул ногой преграду – глухо дверь смешком отозвалась.

«Не скроешься, строптивая! Не добром, так силою возьму!» – Тарталья был взбешен.

Он вышел в зал и тут лицом к лицу столкнулся с плачущей Клариче.

– Что случилось?

– Мой отец, Тарталья, найден мертвым, с отрезанною головой, – и девушка так горько зарыдала, что Тарталья в облике Дерамо расчувствовался.

– Не плачьте, милая! Убийцу я найду и обещаю сурово наказать за гибель верного министра. Вам постараюсь заменить отца. Крепитесь! – Тарталья было приятно, что дочь так убивается по нем. Он бы рассказал о тайне, но женщины... Как можно доверять им тайну?

Тем временем, события разворачивались все стремительней!

Вбежали в зал взволнованные Панталоне и Леандро:

– Ваше Величество! Тарталья найден мертвым!

– Обезглавлен!

Тарталья в облике Дерамо угрюмо глянул на придворных:

– Кто?

– Мы не знаем! – в один голос выкрикнули оба.

– Кто новость страшную принес, я спрашиваю? – министр глянул грозно и отвел глаза – убийца все же!

– Труффальдино нашел несчастного! – Панталоне голову склонил в печали.

– Эй, стража, – приказал король, – схватите негодяев и бросьте за решетку! И Труффальдино не забудьте!

– Но за что?!

– Найду убийцу – с вами разберемся! Потом... – добавил, помолчав, Тарталья. – А пока – в подвал! Тело верного министра сожгите, в урне принесите пепел мне.

Безвинных увели.

Довольно потирая руки, Тарталья размышлял, где отыскать оленя с отметиной на лбу. Убить рогатого – и королевством править спокойно можно. А Анджелу он приручит подарками и лаской – натура женщин всех одна! Ему ль не знать? Просто нужно время...

Не думал Труффальдино, что услуги иногда караются тюрьмой. Попугая в клетке он оставил в комнате, куда случайно заглянула Анджела.

– Откуда эта птица? Странно...

И в это время появился птицелов:

– Вот знатный Попугай! Он дорогого стоит – по-человечьи может говорить. Возьмите!

– Не до попугаев ныне. Не хочу!

– Возьмите, мне обещана достойная награда за то, что к вам его я принесу.

– Послушай, Труффальдино, я уже сказала – не хочу!

Но птицелов ответить не успел: вошла охрана и его арестовала.

– Вот о какой награде речь была! – возмутился Труффальдино, только сделать ничего не мог и покорился.

– Не понимаю! – пришла в себя Анджела. – Отец и брат – в тюрьме, несчастный Труффальдино арестован, а в короле такая перемена, что я готова в монастырь уйти... Так странно! Кто бы дал ответ на все вопросы?

Анджела отошла к окну, с тоской глядя в сад.

– Я, ангел мой, отвечу! Только наберись терпенья, – знакомый голос мужа-короля в тени деревьев эхом отозвался.

– Дерамо, милый, это ты? Я чувствую: ты близко! – кровь бросилась в лицо Анджелы – щеки запылали.

Ствол дуба словно раздвоился, и вышел нищий из тени. То был старик, хромой и страшный.

– Что вам нужно? – с испугом девушка спросила у него.

– Я мог бы рассказать о двух сердцах, что умирают от любви и боли.

– Как мне знакомы этот тон и голос... Кто вы?

– Позвольте мне подняться к вам, любимая!

– О, Боже! Кто б ни были, идите! Нет, мне страшно... Стойте там!

– Подслушать могут. Я хочу вам тайну Дерамо рассказать, – и нищий в комнату Анджелы пробрался. – Я – ваш муж, Дирамо.

– Неправда! С королем я несколько минут назад рассталась. Он был другим!

– Я знаю, милая Анджела, то был не король. Негодяй Тарталья личину короля надел в корыстных целях.

– Но это невозможно! Я не верю! Прочь, старый лгун! Ты словно режешь по живому, – Анджела расплакалась.

– Так я и знал! Тебя пугает мой облик. Но послушай, любимая, тот, с кем говорила ты недавно, разве не показался тебе чужим и странным?

– Это правда. Лицо Дерамо, но души в нем нет. Мой Дерамо, мой муж был не таким. Любовь ушла, а с нею жизни смысл. Мне кажется, я умираю...

– Любимая, та родинка, что на груди, исчезла? – из-под седых бровей лукавый быстрый взгляд на место показал, где пятнышко должно быть.

– Нет, она все там же! – покраснев, запальчиво произнесла Анджела. – Откуда вы... – и замолчала, растерявшись.

– Вы помните, я статую разбил – одну из двух вещей, которые мне подарил волшебник? Так вот, Анджела, я доверил вторую тайну мошеннику Тарталье. Кто же знал, что он предатель! Тарталья воспользовался заклинанием и в тело Дерамо втиснул низкую свою душонку. Так хочется надеяться, что вы, любимая, не поддались уловкам...

– Нет, Дерамо! Вы мой муж, я с вами до конца, что б ни случилось!

– Анджела, милая, родная! Я так боялся быть отвергнутым из-за того, что вынужден предстать таким. Теперь – другое дело! Нам нужно спрятаться, и я вам расскажу, что надо делать. Поверьте, зло и подлость должны быть отмщены!

– Идемте, милый! Знаю кабинет, где нам никто не помешает разработать план. О, Боги! Помогите спасти любовь, ведь в ней вся наша жизнь!

Единственный, кто избежал судьбы стать арестантом, был Бригелла. Но вряд ли позавидовали б ему Панталоне и Леандро, если б знали, какому натиску подвергся их соратник по охоте.

– Ну, братец, это ты во всем виновен!

– Интересно, в чем?

– Король отверг меня, и Труффальдино бросил! Что буду теперь делать? Ищи мне жениха!

– Вот не было печали! Тебя заботит, так сама ищи. Но, думаю, напрасно время потратишь!

– Ах ты, дьявол! Сам захотел, чтоб я явилась к королю!

– По-моему, и ты была не против!

– И опозорилась! А все из-за тебя!

– Ничуть! Ты в зеркало взгляни. Твои лицо, фигура, сорок лет от роду – все против тебя! Всего страшнее для мужчины – твой характер и глупость беспросветная. Уйди! Мне надоело разговаривать.

– Не хочешь помогать – тебе же будет хуже! Останусь рядом навсегда – на каторгу сбежишь, решив, что это лучше!

– Вот наградил Господь сестрицей! Хоть из дому беги и впрямь, – Бригелла чуть не плакал.

Пока ругались Смеральдина и Бригелла, в комнате Анджелы вершились таинства...

– Я помню все, любимый! Все сделаю, как ты сказал, – Анджела обняла Дерамо-старика.

– Будь ласковой, чтоб хитрый лис, предатель, не учуял свою погибель раньше времени. Мне больно сознавать, что риску подвергаю тебя... Если б не беда!

– Без тебя я жить не буду. Не волнуйся, прячься! Слышатся шаги! Быстрее! – Анджела успела отойти к окну и, как актриса, выразенье изменить лица.

Вошел Тарталья в облике Дерамо:

– Откуда Попугай тут взялся? Милая Анджела, вам легче? Поправились или виденья мучат по-прежнему?

– Я рада видеть вас, супруг мой, мой Дерамо! Надеюсь, все прошло. Вы – мой единственный герой!

– Великолепно, моя голубка! Я горю от страсти, идемте же! – Тарталья попытался схватить Анджелу за руку.

– Не сразу! – Анджела отошла за клетку с Попугаем. – Счастье – птица, которая в неволе не живет. Отец и брат томятся в башне. Я хочу, чтобы мои родные обрели свободу!

– Да легко! Эй, стража, выпустите Панталоне и Леандро! – Тарталья снова приближался к красавице.

– Еще есть просьба!

– Все сделаю для вас, моя голубка! – глаза Тартальи масляно блестели.

– Любовь Клариче и Леандро достойна свадьбы!

– Я не против, даже остров подарю. Пусть женятся! Все? Так идемте, уединимся! – Тарталье надоело уговаривать и выполнять желанья, но мешала стража силу применить к Анджеле.

Свидетели и Анджеле мешали их с мужем план осуществить.

– Прикажите страже оставить нас вдвоем! – Анджеле удалось изобразить кокетку. Но каких усилий ей это стоило! – Люблю ваш стан, черты, уступчивость...

– Эй, стража! Вон! Войдете по приказу! – Тарталья-Дерамо повернулся к Анджеле: – Я весь ваш, моя супруга, королева! Мы теперь одни.

– Дерамо, муж мой, – Анджела помолчала, потом продолжила, в смущении прошептав: – Мои сомненья разрешите. Вы заикаетесь, похоже, от волнения... Вы помните о тайне? Рассказали еще вчера, но мне хотелось убедиться, что правда это. Действительно могли бы мертвеца своей душой оживить? Видеть я хочу!

Подозренье разом всколыхнуло мутную душонку Тартальи:

– Вот что вам скажу, сударыня! Довольно! Вы – жена мне. Извольте соответствовать! – и грубо негодая схватил Анджелу.

– Дерамо! – вскрикнула несчастная. – Дерамо, прости! – Анджела застонала и на пол опустилась без сознания.

– Я здесь, любимая! – одетый в рубище, босой, старик ворвался в комнату.

– Здесь заговор! Эй, стража! Все ко мне! – Тарталья повернулся к старику: – Уж больно голос твой знаком! Да я ж тебя... убил, а тело бросил в лесу! Надо было сжечь и по ветру пустить. Моя ошибка! Теперь исправлю...

– Стой, предатель! Кем был бы ты, если б я не помогал? – король в обличье старика не справился б с Тартальей, и злодей увидел это.

Тарталья рассмеялся:

– Жалкий клоун! Да я закончу то, что впопыхах не сделал. Убью сейчас – и Анджела моя навеки будет!

– Не-е-ет! – крик Дерамо-старика растаял в блеске молнии и грохоте грозы.

О птице все забыли, а напрасно! Дурандарте – Попугай – не зря явился в трудную минуту, чтобы Любовь спасти. Из птицы превратился в мага. От шума, крика, грохота Анджела ожила и поднялась.

– Пусть справедливость торжествует! – Дурандарте три раза стукнул посохом о пол. Король – Дерамо в облике своем, а королева – Анджела. Этому мошеннику, – тут Дурандарте сурово глянул на Тарталью, – внешность нищего. Ему осталось жить недолго – пусть знает, как дорог жизни каждый миг!

– Я не согласен! – выкрикнул Тарталья.

Опоздал. Еще раз посохом ударил Дурандарте – все изменилось! Душа Дерамо вернулась в тело короля, а негодяй Тарталья стариком стал дряхлым.

– Заклятье позабудь, Тарталья, и ступай. Волшебных превращений не будет больше. А вы, Дерамо и Анджела, любите друг друга и с любовью правьте королевством. Ухожу. Вернее, улетаю! – Дурандарте улыбнулся, снова птицей стал и вылетел в раскрытое окно.

– Дерамо, Клариче не оставь, прошу, – заикаясь, просипел Тарталья. Потом министр-предатель повернулся и, с трудом передвигая старческие ноги, прочь ушел.

Две свадьбы, два венчания на следующий день всем королевством отмечали. Дерамо и Анджело, Клариче и Леандро – Любовь и счастье воцарились в краю прекрасном, теплом и согретом солнцем.

Любовь к трем апельсинам

Бывает, солнечный, цветущий край Страную Грусти называют. Королевством Треф правил Сильвио, владыка мудрый и печальный. Был тяжело болен единственный наследник короля – принц Тарталья. Любимая жена давно ушла на Небеса, теперь вот угасал и сын.

«Не стоят тысячи дворцов, все клады мира крепкого здоровья. Так хрупок человек, так уязвим!» – задумался король, любуясь небом в блеске звезд.

Ночь хороша была: ароматы моря и цветов кружили голову.

– Ваше Величество! – король услышал шепот верного слуги и друга – Панталоне.

– Иди, постой со мною на балконе, Панталоне. Скажи, что сделал я такого, чтоб Бога прогневить?

– Не нам судить. А болен каждый – не телом, так душой. Мне кажется: грустить усердно – легко дыханье ветра может стать убийцей. Я придумал, чем от тоски Тарталью уберечь!

– Да столько лекарей прошло перед глазами – все без толку! Оставь, ничто уж не поможет! – король в спасенье принца веру потерял.

– Вот послушайте! Недавно в королевстве объявился Труффальдино. Он шутками своими и мертвого из гроба поднимет. Когда он веселил на площади людей, так многих приводили в чувство, в фонтан бросая. Принцу нужен праздник!

– Нет! Балаган и шум убьют его!

– Сильвио, ручаюсь, смех для принца – лучшее лекарство!

– Попробуем. За представленье и здоровье принца будешь отвечать. А в помощь позови Леандро.

Так и решили.

А наутро к королю пришел Леандро:

– Ваше Величество! Мне не трудно устроить карнавал, но принцу будет хуже. Тарталья любит тишину.

Леандро тонко рассчитал, как троном завладеть. Он сумел Клариче обольстить, кузину принца. Если Тарталья умрет, не справившись с недугом, Клариче остается единственной наследницей. Для Леандро и Клариче здоровый принц был бы костью в горле.

– Я требую назначить карнавал и бал! – король сердито оборвал Леандро. – Я хочу, чтоб блеск нарядов, представленье Труффальдино развеяли тоску Тартальи.

– Слушаюсь, Ваше Величество, но вину с себя снимаю, если принцу станет хуже... – Леандро разозлился – рушились все планы!

«Что ж, придется звать Моргану. Злая фея поможет рассчитаться с королем и принцем. На Сильвио она давно таит обиду за проигрыш в игре за власть, а значит, будет с нами. В арсенале этой ведьмы мешок опаснейших заклятий. Одно использует – Тарталья будет мертв!» – Леандро, поклонившись королю, ушел.

Среди людей всегда есть место чародеям. Есть добрые, есть злые на весь свет. Маг Челио жалел Тарталью и хотел бы королю помочь, пусть даже для того, чтоб насолить Моргане, жадной ведьме. Комедианта Труффальдино он прислал в надежде, что смех пробудит в принце жажду жить.

Вот светлый день настал. Ход карнавальный, расцвеченный костюмами артистов, собрался у фонтана, на главной площади, у входа во дворец.

Король-отец уговорил Тарталью выйти на балкон, чтоб принц мог оценить искусство лицедеев. Но молча наблюдал печальный принц веселье, танцы, пение толпы.

– Мне скучно! – наконец, сказал он Панталоне. – Отведите меня в постель. От шума голова болит.

– Еще минуту, принц! Пусть Труффальдино покажет номер свой... – министр махнул рукой.

Почти по головам, толкая в стороны стоящих на пути, сквозь толпу кто-то в дивном костюме и маске с нарисованной улыбкой пробирался. Костюм и в самом деле дивный был – из тысяч разноцветных лент. Люди смеялись, дергали за ленты, отрывали, махали ими вслед. Когда комедиант приблизился к балкону, то был почти нагим, но маску не снимал. Труффальдино, а это был посланец Челио, легко отбросил в сторону фигуру, что мешала пройти. То была Моргана. Ей не повезло – упала в воду фонтана, подняв кучу брызг.

Ни разу до сего момента принц не улыбнулся, но когда Моргана встала из воды, Тарталья не выдержал и расхохотался!

Это была картина не для слабых нервов! Одежда на Моргане намокла, обнажив то, что фигурой и назвать нельзя! Скелет, облепленный тряпьем, а не Моргана, не женщина, не фея, а набор костей!

В толпе от хохота попадали на землю.

Смех сделал свое дело – принц смеялся, а на щеках румянец заиграл, глаза сияли счастьем!

Король Сильвио был просто поражен действием такого удивительного «снадобья».

Принц выздоровел!

Это было двойным ударом для Морганы. Всю ненависть и злобу на короля она перенесла на принца. Да еще позор «купания» в фонтане! Не слова, а карканье вороны – заклинанье – услышали в толпе веселых горожан:

– Тар-р-рталья! До самой смер-р-рти ты будешь гр-р-резать о тр-р-р-рех апельсинах! Кар-р-р!

Принц сразу перестал смеяться и оглянулся в поисках плодов. Служанки приносили сидр, яблоки, орехи, виноград, но требовал Тарталья только апельсины. Для них был не сезон.

Труффальдино, Панталоне и король впали в отчаянье – оказалось все напрасным: принц собрался в путь за апельсинами. Плоды есть у волшебницы Креонты, но к ней еще добраться нужно. Замок великанши расположен очень далеко – две тысячи миль придется одолеть.

Сильвио пытался отговорить Тарталью, ведь дорога может стать путем в один конец. Все было бесполезно: заклятие Морганы действовало безотказно.

– Для твоего спокойствия, отец, отправь со мною Труффальдино, стражников и дай нам лошадей. Оружием мы запасемся сами. Да, обещаю: обязательно вернусь.

Король заплакал. Горько расставаться с сыном, не зная, как рассудят Время и Судьба. Вернется ли? Живой ли? Или сгинет в дороге, что опасностей полна?

Как радовались Клариче и Леондро! Сбылась мечта – убрать Тарталью с дороги к власти. А король, убитый горем разлуки с сыном, – не помеха, чтоб установить свои порядки во дворце. Бригелла, придворный лицемер, им в том поможет. Не успела пыль улечься за путниками – они уже взялись за передел постов среди верных слуг.

А путники, тем временем, стремительно неслись вперед, к трем апельсинам, что хранились у волшебницы Креонты.

Однажды к всадникам, устроившим ночлег в лесу, явился Челио, их покровитель добрый.

– Не смог я уберечь вас от заклятия Морганы, принц Тарталья! Каюсь, опомнитесь и возвращайтесь. Слишком далеко живет Креонта. Из-за этих апельсинов жизнь в дороге проведете и умрете, не достигнув цели.

– Нет! – горячо воскликнул принц. – В этих солнечных плодах не столько цель, в них скрыта тайна жизни. Я должен их добыть! Дороги нет назад!

– Мой принц! Ваш отец убит разлукой с вами, королевство, власть в нем захватили Клариче с Леонардо. Вам все равно?

– Нет, Челио, мне больно. Помоги! Вот если б мы неслись быстрее ветра, то мгновением пролетело б время на дорогу к королевству Креонты...

– Да, я вижу, вы решились. Есть дьявол у меня для мелких дел. Он мехами пороботает, поднимет ветер, такой, какой вам нужно, чтобы скорей попасть к волшебнице Креонте.

– Спасибо, Челио...

– Погоди благодарить. Вот вам мешок. В нем вещи, которые помогут справиться с охраной великанши. Замок окружен высокою стеною. Слабым местом являются ворота – их смажете волшебной мазью вот из этого сосуда. Ворота распахнутся, но навстречу вам бросится огромный черный Пес с горящими глазами. Он голоден. Хозяйка, чтоб был зол, его не кормит. Бросьте Псу краюху хлеба – он убежит. Пока ты, Труффальдино, будешь доставать веревку из колодца, принцу нужно успеть забраться во дворец. Там, в тайнике, лежат три апельсина. Возьмешь – и сразу уходи. За это время Труффальдино высушит веревку и подарит Кухарке из вереска метлу. И если мой урок пойдет вам впрок, все выйдет так, как надо. Теперь прощаюсь, отдыхайте. А с первыми лучами солнца – в путь!

– Всю жизнь, что мне отпущена, я буду помнить твою, о Челио-волшебник, доброту! – и принц Тарталья низко поклонился.

Как только утро наступило, Тарталья, Труффальдино, стражники вскочили на коней, чтобы продолжить путь. Внезапно поднялся сильнейший ветер и в спину стал толкать их. Это Челио поставил дьявола, чтоб мехи раздувал. Помчались путники так быстро, что к закату были у ворот владений великанши.

Высокая стена забора прерывалась воротами, изъеденными ржавчиной. Глухие заросли пугали диким видом и прятали ветвями дорогу. Видимо, Креонта была не очень рада любым гостям. Путники оружием проббили себе путь, а для петель ворот достали из мешка с волшебными вещами мазь. Да, Челио был прав: без волшебства ворота б не открыть! Но только стоило преграду одолеть – Пес черный, голодный и клыкастый набросился на путников. Если бы не хлеб, порвал бы всех в куски. Предусмотрел волшебник все!

– Давай-ка, Труффальдино, займись веревкой! Ты же видишь, все сбывается, что Челио сказал. Метелку не забудь Кухарке дать. Волшебник говорил, что бедная служанка руками жар из печки выгребает.

– Мой принц, прошу вас, будьте осторожны там, во дворце у великанши. Очень важно ее не разбудить.

– Не беспокойся, верный друг! Веревку разложи, чтоб высушить. Служанку приласкай, мне пожелай удачи. Я с апельсинами уж скоро буду здесь.

Таясь за каждым выступом, за каждой дверью, Тарталья проник в спальню Креонты. Апельсины лежали в сундуке, закрытом на засов. Стараясь не дышать, принц мазью волшебной смазал задвижку сундука – крышка отошла. Быстро спрятал Тарталья апельсины в мешок и кинулся бежать.

Труффальдино ждал его внизу. Кухарка со счастливой улыбкой вычищала печь метелкой из вереска, а черный огромный Пес с наслаждением занимался коркой хлеба. В сухой веревке нитками играл веселый ветерок.

– Бежим! – Тарталья бросился к воротам, подгоняя Труффальдино. – Апельсины – в мешке! – и показал добычу.

Ворота сами распахнулись, ведь сотни лет вниманием великанша их не жаловала.

Хорошо, что с путниками были кони. Понесли они владельцев апельсинов и их охрану. Едва успели скрыться в роще, великанша выскочила на крыльцо:

– Эй, Пес, беги и догони разбойников!

– Зачем мне это? – ответил Пес. – Я сыт, и дичь мне не нужна.

– Сейчас не время спорить, я потом с тобою разберусь. Кухарка, возьми веревку у колодца. Ты должна настичь грабителей, связать их!

– Нет, не стану. Да и веревки нет!

Веревка чудом не сгнила в воде – змеей скользнула, спряталась в траве.

Кухарка продолжала:

– Столько лет служили мы тебе. Где благодарность? Нас пожалели люди, против них идти не будем.

– О громы, молнии, обрушьте на разбойников, унесших апельсины, свой гнев! – Креонта лютовала.

Боги послушались, ударили, да только промахнулись – в великаншу попали, превратив колдунью в пепел.

А беглецам, меж тем, задул попутный ветер. Поля, леса и реки замелькали, словно в водовороте листья. Принц отстал, а Труффальдино, выбрав подходящую лужайку, остановился. Вскоре появился и принц. В мешке, по-прежнему, лежали три апельсина. Путники устали, устроили ночлег.

Моргана, колдунья, решила начатое дело закончить разом. У ведьмы были в запасе тысячи уловов, чтобы не допустить Тартальи возвращения. Да и помогала она Клариче, Леонардо только лишь за тем, чтоб королевством овладеть. Начать решила с Труффальдино. Проснулся ночью бедный комик оттого, что жажда одолела. Да так, что мочи не было терпеть. Он долго мучился, но все ж решился – достал плод апельсина из мешка. Когда разрезал, совершилось чудо – из апельсина вышла девушка волшебной красоты.

– Горю от жажды, дай испить водицы! – красавица взмолилась. Труффальдино был сражен великолепием изысканной красоты. «Что делать? Где найти питье, чтоб заслужить улыбку девушки?»

Лицедей решает напоить красавицу соком второго апельсина. Он достал, разрезал... И – о, чудо! Из второго апельсина тоже вышла девушка, еще красивей первой! И тоже стала молить, хоть о глотке воды. А утолить-то жажду нечем! Труффальдино растерялся. Откуда знать он мог, что это Моргана продолжает издеваться над ним и принцем.

К счастью, рассвет забрезжил. Принц проснулся, увидел девушек. Потом подумал, что это продолжение сна. Красавицы заплакали, Труффальдино воспаленным взором смотрел на принца. Тарталья окончательно проснулся и достал последний, третий, апельсин. Стал резать его мечом, но было поздно – девушки упали замертво.

Из-за горизонта появилось солнце, осветив поляну, где путники устроили ночлег. Как оказалось, на краю поляны было озеро – Труффальдино не мог его увидеть ночью.

Принц, все-таки, разрезал апельсин – из него вышла девушка, с красотой которой не могли сравниться первых две. Тарталья обомлел сначала, а потом, конечно же, влюбился. Да так, что жизнь свою б не пожалел, если б было нужно. В это время Труффальдино горько сожалел, что не сумел помочь красавицам. Они сжимались, темнели и превратились в кожуру от апельсинов. Полыхнув огнем, сгорели в пепел...

Принц был околдован, очарован красотой девушки. Все смотрел, смотрел и глаз не мог отвести. Потом спросил:

– Кто ты, красавица?

– Воды... Я пить хочу!

Принц, на ходу снимая башмаки, помчался к озеру. Набрав в башмак воды, вернулся.

– Я Нинетта, – красавица ответила, испив воды. – Нас, трех сестер, Креонта заколдовала, поместив в трех апельсинах. Если б жажду утолить смогли, то выжили бы... От них остался только пепел, что ветер разнесет, – и девушка заплакала.

– Не плачь, любимая! Я постараюсь помочь тебе. Ты выйдешь замуж за меня? Кто твой отец, чтобы я мог попросить твоей руки?

– Король Конкул, властитель Антиподов. Креонта ненавидела его, отыгралась на мне и сестрах, заключив нас, словно в темницу, в апельсины. Ты – мой спаситель, я готова стать твоей женой.

– Тогда скорее во дворец! Совсем неподалеку стоит он. В нем Сильвио, отец мой, королевства Треф владыка. Я знаю: он измучен страхами и ждет меня. Невестке будет несказанно рад!

– Взгляните на меня, принц! Разве можно представить королю невесту, одетую в лохмотья?

– Тебе к лицу любое одеянье, но, конечно, ты права. Изысканный наряд мы с Труффальдино тебе доставим очень быстро. Сопровождение, карету – все, что достойно королевы. Располагайся, жди – вернемся очень скоро! Труффальдино, на коней! И пусть они несут быстрее ветра!

Принц Тарталья с другом Труффальдино умчались во дворец. Они не знали, что озеро, на берегу которого оставили Нинетту, принадлежит Моргане, злой ведьме. Она все видела и слышала, два последних зуба сломала, скрипя ими от злости. Предупредив Клариче и Леандро о том, что принц вернулся, стала действовать сама. Арапку подослала, Смеральдину, к Нинетте, что принца ждала у озера. Моргане служанке приказала превратить красавицу в голубку.

Смеральдина переделалась странницей, осыпала себя дорожной пылью и явилась перед Нинеттой:

– О чем грустишь, красавица? Кто посмел такую красоту печалью затуманить?

– Мне жаль сестер, что превратились в пепел. Жестокая Креонта, великанша, заколдовала их.

– Ах, милая! Безумно жаль их. Что ж теперь страдать? Никто из края мертвых не вернулся. Давай я пожалею тебя, приглажу, причешу... Клади головку на колени, – Смеральдина, присев под деревом, стала нежно причесывать Нинетту. Незаметно для принцессы, воткнула шпильку в кожу головы – и мгновенно голубкой обернулась девушка. Взлетев, уселась на ветке дерева в ожидании Тартальи.

Вторую шпильку Смеральдина воткнула в кожу головы себе – и тут же превратилась в Нинетту.

Это были козни Морганы, а во дворце, тем временем, злодействовали Клариче и Леандро. Возвращение Тартальи спутало им карты. Король был счастлив: сын вернулся, собирается жениться! О чем еще мечтать отцу?

Клариче шипела возлюбленному:

– Ты обещал, что ведьма нам поможет!

– Она и помогла. Девчонка, в которую влюбился принц, теперь летает птицей. Наше дело – ждать, когда от горя принц умрет! Думаю, недолго сына Сильвио переживет, и власть – навеки наша!

– Да надоело ждать! Скорей хочу примерить я корону! – Клариче зло прищурилась: себя она давно уж ощущала королевой.

– Ничего, придет наш час. Пока сочувствуй, улыбайся, – Леандро дело с тронном считал решенным.

А во дворце царили суматоха, веселье, праздничный настрой. Король и принц собрали свиту сопровождения и отдали приказ запрячь в карету лучших скакунов. Экипаж был украшен золотом, а сиденья оббиты алым бархатом. Лучшие наряды для невесты сам Тарталья отбирал. Труффальдино пытался помогать, но лишь мешал, болтая безумолку и путаясь в одеждах. Наконец, Тарталье надоела эта суета, и он отправил Труффальдино за каретой.

Кортеж отправился к Нинетте. Если б знал Тарталья, что произошло у озера, ни за что бы не покинул девушку одну! Тарталья не узнал Нинетту! Вроде бы она, но кожа на лице и

теле потемнела. А, кроме того, холодный взор и злобная усмешка на устах – такой его Нинетта не была! Подмена явная – Моргана постаралась, чтобы Смеральдину не узнали.

Принц растерялся:

– Нинетта, это ты?

– Да, сударь, я. Сопровожденье, короля я вижу. Где наряды, что обещали вы?

– Но что с твоим лицом?

– Я думаю, что солнце обожгло своим сияньем, – Смеральдина в облике Нинетты пряталась в тени.

– Странно, – принц не мог поверить, что за столь короткий час так измениться можно.

– Любимый, я от горя потемнела. Показалось, что ушли вы навсегда...

Тут Сильвио, мечтавший о потомках, не выдержал:

– Сынок, тебя здесь ждали! И любят, кажется... Бери невесту и ступайте во дворец. Пусть будет праздник – свадьба!

Придворные, Леандро и Клариче подхватили:

– Идемте!

– Праздник!

– Свадьба, пир и бал!

Леандро подмигнул Клариче:

– А ночью, о горе, мы лишимся принца! Моргана Смеральдине приказала уколоть Тарталью – дворец покинет зверь, в которого наследник превратится.

– Ты – мой волшебник! – ласково Клариче посмотрела на злодея.

И все отправились на пир. Сомнения заставили Тарталью быть настороже. Он Труффальдино попросил понаблюдать за всеми. И за Нинеттой тоже, так как в ней принц чувствовал чужую душу. По крайней мере, страсти прежней он не ощущал.

– Я постараюсь! – Труффальдино обещал. – Но как я буду наблюдать, если на кухне мне поручено готовить жаркое?

– Не мне тебя учить! – принц улыбнулся. – Я-то знаю, что во дворце нет никого разумнее тебя. Кроме меня, конечно!

– Слушаюсь и повинуюсь! – Труффальдино раскланялся.

Тарталья отправился к гостям – в зале веселились. Песни, пляски, представленья чередовались, украшая пышный бал. Но главное – от угощений ломился стол! Изысканные вина, закуски, фрукты, суп – все вскоре было съедено и выпито. Гости ждали жаркое, которое на кухне готовил королевский повар – Труффальдино. Если б знали гости, чем был занят повар-лицедей!

Он спал. Злая ведьма Моргана снова постаралась – без козней не могла и дня прожить! Над Труффальдино Моргана просто издевалась: стоило актеру мясо наколоть на вертел – он сразу засыпал. А жаркое превращалось над огнем в угли. Труффальдино совсем измучился...

Вдруг в окно влетела белая голубка, доверчиво уселась на столе.

– Кыш отсюда! – сердито замахал руками повар. – Беда и без тебя.

– Труффальдино, это я, Нинетта! – голубка встряхнула крыльями. – У меня беда, не у тебя с твоим жарким. Видишь, Моргана заколдовала, помогла ей Смеральдина, что невестой моего любимого представилась.

В этот миг в кухню ворвался Панталоне:

– Жаркое подавай! Скорее! Гости заждались... – и осекся, заметив, как растерян Труффальдино. – Что случилось?

– Вот... Нинетта... Голубка... Злая ведьма Моргана...

– Что ты говоришь? Себя послушай! Заболел или вина попробовал? – Панталоне не на шутку рассердился.

Голубка рассказала обо всем, что с нею возле озера случилось. Панталоне стал гладить перышки у птицы и нащупал шпильку, которую воткнула Смеральдина. Как только вынул, голубка сразу превратилась в красавицу Нинетту.

– Принц будет счастлив, надо доложить! – Труффальдино бросился к дверям, а там Тарталья стоит, взгляд от любимой отвести не может.

– Я знал, я верил: что-то здесь не так! Любимая, теперь мы будем вместе! – и Тарталья нежно обнял свою голубку – милую Нинетту.

А тут и Сильвио, король-отец, явился:

– Отчего здесь так горелым мясом пахнет? Труффальдино, бездельник, где жаркое, наконец? А это кто? – и, удивленный, перевел взгляд на Нинетту.

– Отец, позволь представить тебе мою невесту... – на щеках Тартальи цвел румянец счастья.

– А в зале кто? – король кивнул недоуменно в сторону гостей.

– Смеральдина, арапка, которая обманом, силой колдовства и козней Морганы приняла обличие Нинетты. Быть может, я почувствовал подмену и потому жениться не хотел, – Тарталья нежно обнимал свою красавицу из апельсина – Нинетту.

И тут, словно из воздуха, явился маг Челио:

– Король! Я вас и все ваше семейство всегда любил, поэтому имею право сказать всю правду. Вы, Сильвио, пригнали на груди змею – Клариче. Леандро и она придумали план подлый, как забрать у вас и власть, и королевство. Болезнь Тартальи, путешествие к Креонте за апельсинами – это их рук дело. Подлая Моргана им помогала. Она мой давний враг.

– Что, Челио, соскучился? Я здесь, – точно так же, из воздуха, Моргана появилась. – Свои дела решай, мои оставь в покое!

– Сгусток зла! Не звали, так явилась вносить раздор и смуту. Прочь иди! Не дам в обиду короля, принца и Нинетту.

Моргана рассмеялась:

– Тешься надеждой! Ладно, я пока уйду, но мы с тобой поговорим потом. Я о себе напомним!

Волшебники растаяли...

Король очнулся и приказал позвать Клариче, Смеральдину и Леандро. Те пришли.

– Даю вам время до рассвета. Если утром будете в пределах королевства, пеняйте на себя! – и отвернулся с презрением от них.

Потом король благословил Тарталью и Нинетту, повел всех в зал.

В королевстве, наконец, все стало тихо и спокойно. Счастливый Сильвио дождался правнуков и внуков. Состарившись, ушел к жене любимой в Небеса.

Королевством править стал Тарталья.

Принцесса Турандот

Там, где восходит солнце, есть прекрасная страна. Горы и цветущие долины, каменистые плато, пустыни – все есть в этой благодатной земле. Бурные и спокойные, маленькие и полноводные реки дарят влагу бескрайним полям. Трудолюбивый и мудрый народ живет в этой стране. Загадочный Китай – Поднебесье...

Случилась в этих краях удивительная история. Правил в то время Поднебесной император Альтоум. Может быть, ничем особенным не прославился бы этот Владыка, если бы не его дочь, по имени Турандот. Девушка была божественно красива! Не было на свете никого, прекраснее ее: тонкий и гибкий стан, изящные, словно созданные Творцом в минуты великого вдохновения, черты лица. А еще принцесса была образованна и необыкновенно умна. Богатые и знатные юноши – принцы многих стран – мечтали назвать ее своей женой. Многие из них сватались и... стали «украшением» частокола вокруг дворца императора. Путников, которые приближались к дворцу императора Альтоума и его дочери Турандот в Пекине, приводила в ужас картина мертвых голов, надетых на острые копыя.

Насколько красива была принцесса, настолько была жестока к юношам, влюбленным в нее. Альтоум, добрый и мудрый правитель, сам не понимал, откуда у дочери такое презрение к тем, кто просил руки ее и сердца.

– Дочь моя, – говорил отец, – среди юношей, которые сватались за тебя, были, наверное, достойные люди. Почему ты так нетерпима к ним?

– О, отец! Если они не могут разгадать детские загадки, чем они смогут помочь Вам в управлении огромным государством? Какой от них толк? Пусть теперь отпугивают ворон от дворца!

Вот так и жила принцесса Турандот, развлекаясь тем, что испытывала женихов, а потом, по указу императора, несчастным влюбленным отсекали головы и насаживали на очередное копые в ограде дворца.

Но однажды судьба распорядилась иначе. А было это так.

На окраине Пекина встретились, совершенно случайно, два человека – Барак и Калаф.

– Мой принц! Вы живы! Какое счастье! – Барак воспитывал принца Калафа при дворе Астраханского хана Тимура.

– Барак! Учитель! – они обнялись.

– Расскажите, принц, как вам удалось спастись? Что с отцом, с матерью? Султан Хорезмский никого не пощадил в Астрахани! Не помню более жестоких завоевателей, чем это войско. Я видел реки крови... Когда проник к вам во дворец, чтобы помочь, то никого там не застал – пустые покои... Только тела стражников, которые, видимо, вас защищали, лежали повсюду.

– Нам втроем удалось скрыться: отец, мать Эльмаза и я бежали до того, как неприятель захватил дворец. Пришлось пройти немало стран, скрывая, кто мы такие. Лишения отчаянные пережили. Нас спасли от голодной смерти драгоценности, которые удалось взять с собой, и добрые люди, которые принимали меня на работу. Знаешь, Барак, это ты научил меня трудиться и не стыдиться любой работы. Даже самой грязной!

– Мой принц, не называйте меня этим именем: мне тоже пришлось бежать, оставить родные места. Здесь я назвался персом по имени Хассан. Помогла добрая вдова. Ее зовут Скирина. Живу теперь с ней и ее дочерью Зелимой, которая служит принцессе Турандот.

– Учитель, так и мы вынуждены скрываться! Ты только послушай, сколько испытаний выпало на нашу долю!

И принц стал рассказывать.

– Переодевшись бедняками, мы бежали. Сначала на Кавказе попали в плен к разбойникам, которые нещадно издевались над нами, заставляли делать самую неблагоприятную работу. Только чудо спасло нас от смерти. В одном из городов я даже у входа в мечеть просил милостыню, только чтобы накормить отца и мать. Были мгновенья, когда они теряли не только силы – надежду выжить. Однако это было только начало наших несчастий. Султан Хорезма не поверил в нашу гибель и потребовал найти тела. Их не нашли. Тогда он посулил огромную награду тому, кто нас отыщет. Настоящую охоту на нас устроили и гнали все дальше. Как диких зверей...

– Больно это слышать! – печально заметил Барах, который знал Тимура и Эльмазу как очень добрых и мудрых людей. – Где теперь ваши родители?

– Я расскажу, но лучше по порядку. В Хорасане мы нашли приют у царя Хейкобада и его дочери, принцессы Адельбы. Она очень жалела нашу семью и, по-моему, догадывалась, что мы принадлежим знатному роду. Спустя какое-то время между Хейкобадом и пекинским императором Альтоумом началась война. Адельба погибла... Нам снова пришлось скитаться. Потом мы оказались в Берласе. Мне повезло: сумел поймать любимого ястреба Берласского царя, Алингвера. Он приказал в знак благодарности достойно устроить отца и мать, а мне дал денег и одежду. Я попрощался с родителями и отправился искать удачу. А теперь вот здесь. Знаешь, Барах, я должен отомстить врагам, которые вырезали астраханцев. Должен отомстить за четыре года скитаний, позор, болезни и нищету отца и матери. Хочу наняться к правителю Пекина – Альтоуму, а там, как решит Владыка Небесный!

– Я помогу вам, принц! Устрою на ночлег сначала.

– В корчме хозяйка славная мне выделила комнату, а для коня – стойло в сарае. Там, на горе!

– Это моя жена. Теперь и вашим станет дом наш. Как я счастлив! – Барах еще раз крепко обнял Калафа и, довольный, оглядел статную фигуру принца: – Возмужал! Мой мальчик, предостережь хочешь, – и слезы внезапно увлажнили глаза Бараха.

– Учитель, ты о чем?

– Дочь Альтоума – Турандот – чудовище! Будь осторожен!

– Страшна, коварна и рогата?

– Хуже!

– Как это? Еще страшнее?

– Не смейтесь, принц! Она прекрасна, как цветок росистым утром, но душа чернее ночи без луны. Сегодня по ее приказу должен быть казнен еще один прекрасный юноша.

– Слухи и до Хорасана доходили. Всех мучил вопрос, почему погиб в Пекине Хейкобада сын. Нелепость этих слухов привела к войне. Неужели красавица так бессердечна?

– Я повторяю, принц, она – шайтан в ангельском обличье. Не могу простить... Сегодня захотелось сжечь ее портрет, затем и шел сюда.

– Дай посмотреть, Барах, на вашу прелесть. Как может красота убить?

– Калаф, не надо, умоляю! Мне будет горько, если с вами что-нибудь случится...

Тут случилось непоправимое – портрет принцессы выпал из-под одежды Бараха. А Калаф поднял...

– Так вот она какая! – и юноша остался наедине с портретом красавицы. Ни Бараха, ни неба, ни земли вокруг – только чудный образ Турандот и он, Калаф.

Слова Учителя: «Отдайте! Это дьявол!» – упали в пустоту.

Потом Калаф очнулся:

– Такое совершенство не может убивать. Теперь я знаю точно, что сплетни о жестокости принцессы – сказки! И о том, как обратился к ней отец, чтоб побыстрее вышла замуж, и будто из-за нее все войны...

– Сказки?! Сплетни?! Да посмотрите на ограду, принц! На копьях – головы тех юношей, что были влюблены и сватались к красавице...

– Что ж помешало им блеснуть умом?

– Тщеславие принцессы, ненависть к мужчинам. Не знаю, какими словами и кто в ней это воспитал, но в ужасе сам император. Различными уловками принцесса заставила отца издать такой указ, который превращает живых прекрасных юношей в корм для ворон. Сожгите, принц, портрет гордячки и забудьте!

– погоди, Барак! Смотри, торопится к нам кто-то! – Калаф увидел человека, который к ним спешил.

– Это Измаил. Учителем он был царевича, которого сегодня собираются казнить. Вот плачет... Хочет сообщить, что Самаркандский принц не смог решить головоломки, которые принцесса задала. Теперь несчастного ждет смерть. Бой барабанов и лязг литавров – знак беды!

– А я-то думал – праздник готовится!

– Для принцессы Турандот – да, праздник!

– Не могу поверить... Но как она прекрасна! – Калаф снова стал рассматривать портрет. – Хочу ее увидеть!

– У моей Скирины есть дочь. Так вот, Зелима, так зовут ее, служит принцессе. Характер Турандот вблизи еще страшнее.

– Не верю! Думаю, мне удалось бы укротить гордячку.

– Так думали другие тоже. Теперь вот, – тут Барак махнул рукой на колья, увенчанные черепами свежими совсем и старыми, засохшими, с глазницами пустыми. – Да Измаила сам спроси!

А Измаил и слова сказать не может, только плачет.

Барак не выдержал:

– Не надо было его отпускать к принцессе...

– Я юношу не смог отговорить... Ведь не отец, а только воспитатель. Надменная, жестокая гордячка! Что я теперь отцу скажу? Нет мне прощенья... Самое печальное, что уходил из жизни принц, целуя портрет колдуньи. Да еще просил отцу его отдать, чтоб понял тот причину смерти сына!

Измаил достал портрет принцессы Турандот и с криком «Убийца!» бросил в пыль. Заплакал снова и ушел.

– Вы видите, Калаф, что может с человеком сделать красота? Пусть вам уроком будет эта сцена.

– Нет девушки на свете, которая могла бы отобрать мой разум. Принцесса тоже. Красота, не спорю, оружие, но лишь на время: с годами ржавеет оно. Мне интересно схлестнуться с Турандот клинками разумов.

– Не надо, прошу вас, принц! – Баракху стало страшно.

– Ты воспитал меня и знаешь мои возможности. Невзгоды закалили. Овладеть душой прекраснейшей из женщин... Славная задача, достойная усилий! Учитель, об одном прошу: не открывай, кто я!

– Принцессе все равно, чью голову наденут на копьё. Ваши отец и мать мне не простят. Подумайте о них, если собой не дорожите!

– Как раз о них я думаю, не только о себе. Мы вместе столько пережили унижений, что считаю долгом вернуть родителям былые уважение и достаток. Я стану мужем Турандот, а потом Владыкой Поднебесной. Изгнание врага из Астрахани будет делом времени. Вот так! Как видишь, милый Барак, такая цель достойна риска.

Барак ответить не успел – барабаны возвестили, что к завершенью близок ритуал. Процессия приблизилась к стене, и на копьё была насажена отрубленная голова принца Самарканда. Ярко алели на солнце свежие потеки крови.

– Смотри, Калаф! Это ответ и последнее предупреждение... – в предчувствии беды лицо Бараха потемнело.

– Учитель, не мешай. Я все решил!

– Калаф, раз не могу тебя остановить, давай совета спросим у моей жены. Я говорил тебе, что дочь Скирины служит у принцессы. Нужно с ними обеими поговорить. Сказать иначе, проведем разведку. Пойдем к нам и дождемся возвращения со службы Зелумы.

– Согласен, это нужно.

И они отправились домой, в корчму.

Скирина встретила гостей:

– Так вы знакомы?

– Нет, встретились случайно за городом, разговорились... – Бараху дорог был Калаф. Он тайну принца выдавать не собирался. Даже жене. – Скирина, расскажи о Турандот. Все, что знаешь.

– Зачем? Неужто?.. Юноша! Если бы я знала, кому и для чего даю приют, то смело отказала бы. Вы красивы, смелы и, видимо, умны... Вам жить не хочется?

– Напротив, хочу служить, своей добиться цели, жениться, наконец! – и принц лукаво улыбнулся.

– А Турандот причем? – Скирина посмотрела на Бараха. Тот обреченно вздохнул.

– Молва по свету идет, что девушка умна, богата и сказочно красива. Я красивей в жизни не встречал! Портрет вот...

– Достаточно! И видеть не хочу! За нрав жестокий люди ненавидят принцессу. Я тоже! Все стены домов в Пекине увешаны портретами гордячки, а для голов несчастных юношей скоро закончатся запасы пик. Жаль будет вашу голову увидеть в этом ряду.

– Мне господин Хассан сказал, – тут юноша кивнул Бараху, – что ваша дочка служит принцессе...

– Есть такое. Каждый раз, когда Зелиму на службу отпускаю, боюсь, что может не вернуться живой.

– Благодарю вас, хозяйка, за заботу и предупреждение, но для себя я все решил. Коня оставлю вам – на что-нибудь сгодится, а деньги раздадите беднякам, – принц протянул Скирине кошелек.

Принц Калаф с почтением поклонился добрым людям, повернулся и ушел.

– Будем молиться за него! – слеза скатилась по лицу Бараха.

– И добрыми делами выпросим пощады для юноши, – у Скирины сжалось сердце.

Принц Калаф вскоре объявился во дворце. Никто не рад был очередной жертве принцессы, кроме Труффальдино, евнуха сералья Турандот. Он обожал свою хозяйку и потакал ее забавам. Бригелла, евнух тоже, понять не мог, как можно радоваться смерти другого человека:

– Ты, Труффальдино, видимо, сошел с ума от постоянной близости к блистательной хозяйке!

– Ты много говоришь пустого! Нам поручили подготовить Диван – вот и работай!

– Несколько часов назад убили юношу – и снова испытание!

– Никто их силой не ведет к принцессе! Сами мечтают прикоснуться к нежной коже хозяйки. Моя принцесса не только красива, она умнее всех. Провалы наглцов доказывают это! Принцесса радуется, дарит мне подарки!

– Так вот в чем дело! Вот чему ты рад! – Бригелле низость помыслов была противна. Он молча украшал два трона и восемь кресел для придворных мудрецов.

Когда все было на местах, Бригелла ушел, а Труффальдино, напевая, отправился в сераль сказать принцессе Турандот, что к развлечению все готово. Сообщили и императору. Альтоум грустил: так надоело капризы дочки исполнять, что он готов был отказаться от собственных указов. «Хоть бы поскорее принцесса вышла замуж! Я думаю, что это испытание сегодня –

последнее. Юноша красивый, статный, но безродный, вдруг окажется умнее остальных?» – так думал он, шагая впереди своих министров – Тарталья и Панталоне. Следом шли мудрецы и знать двора. Все шествие сопровождала, словно издевательство над здравым смыслом, музыка.

Когда в Диване все заняли свои места, Альтоум, с высоты своего трона глядя на Тарталью, спросил:

– Вы видели очередного безумца? Говорили с ним?

– Да, император. Юноша достойный: воспитан хорошо, красив и мыслит здраво. Мне он понравился...

– Зачем я дал согласие на игры, цена которым – жизнь? Сжался, небо!

– Ваше величество, я чувствую, что в этот раз должно случиться нечто необычное... –

Панталоне задумчиво глядел куда-то вдаль, словно прислушивался к голосу внутри: – Такое, что положит конец безумству!

«И конец принцессе, для которой люди – пыль!» – подумал, но смолчал Тарталья.

– Зовите юношу! – приказал Альтоум. – Давайте вместе попробуем отговорить его участвовать в забаве Турандот.

– Да если это было бы так просто... – Панталоне фразу оборвал, увидев, как печально смотрит император, и закончил: – ... то ваша дочь уже давно была бы замужем.

Когда вошел Калаф, все разом стихли, рассматривая юношу. Рослый, крепкий, с обветренным невзгодами лицом, он был отчаянно хорош собой. Особенно глаза! Их острый взгляд был пронизательным и быстрым.

Калаф учтиво поклонился императору.

– Откуда, юноша, вас ветром принесло? Сегодня был казнен принц Самаркандский. Вы знаете об этом?

– Да, Ваше величество. Я видел принца голову и слезы человека, воспитавшего его.

– Хотите, я коня вам подарю? Да что там конь! Я жизнь вам предлагаю, только уйдите, пока принцесса не пришла.

– Я не знаю лучше девушки, чем ваша дочь. Я не уйду.

– Тогда скажите, хотя бы, кто вы и откуда, чтоб знать, куда гонца с печальной вестью слать. Ах, жаль! – Альтоум чуть не плакал.

– Позвольте мне себя не называть, – Калаф смотрел спокойно и открыто.

– Да как ты смеешь! – вдруг разгневался Альтоум. – Не хватало, чтобы к дочери посватался простолюдин!

– Я сын царей! И назовусь пред казнью или свадьбой.

– Ну, что ж, не пожалей!

– Не пожалею, император. Здесь, в Пекине, есть человек, который подтвердит мое родство по крови с царями.

– Я чувствую в тебе потомка царской крови. Коль бежать не хочешь, скажи, а соправителем моим хотел бы, может, стать? Ты мог бы быть полезным государству.

– Благодарю вас, Ваше величество. Польщен. Счел бы за честь великую, если б не увидел портрет принцессы Турандот. Дочь ваша – ярче солнца. Как гениальный художник, вы подарили миру совершенство!

– Ах, юноша! Ваше заблуждение будет стоить жизни. А я не в силах череду смертей остановить, – и на глазах Альтоума блеснули слезы горя.

– Ваше величество, пусть спор решит судьба! – и принц, как принято, колено преклонил.

– Позвольте, Ваше величество, и мне словечко вставить. Прекрасный юноша, вам украшение понравилось из черепов? Считаете, что ваша голова придаст особый блеск такому частоколу?

– Я не собираюсь проигрывать! Не за тем явился, – принц усмехнулся.

– Ну, конечно, само собой! Остальные, видно, приходили головы сложить, чтоб позабавить принцессу! Да госпожа такое загадывала, что мудрецы без сна ломали голову, чтобы разобраться. Принцесса Турандот не просто умна, она умнее многих. Жаль вашей жизни – уходите, пока не поздно!

– Благодарю за доброту, но отступить я не намерен!

– Упрямец! Что вам Турандот, когда вам предлагают служить стране и императору! – Тарталья возмутился.

– Что может помешать мне делать то же самое, посватавшись к прекраснейшей из женщин?

– Да, уговаривать нет смысла. Свой выбор прекрасный юноша уж сделал. Зовите Турандот! – Альтоум махнул рукой, приказывая страже.

Внешне совершенно спокойный, Калаф в душе пытался бурю усмирить. Ему нужна была победа! Чтоб выиграть, холодный трезвый ум необходим, а сердце бьется птицей, закованной в силки любви! Принцу было страшно: вдруг красота принцессы ослепит не только взор – и разум тоже!

Вот и процессия с принцессой Турандот. Все, как положено: служанки, евнухи и грохот тамбуринов. Труффальдино отдает листочки с разгадками всем мудрецам и императору.

Наступила тишина...

И в этой тишине зловеще прозвучал надменный голос принцессы Турандот:

– Где этот очередной проситель моей руки? Такой же он, как все, или природа наделила разумом?

Альтоум безнадежно махнул рукой туда, где, словно пораженный громом, стоял Калаф:

– Вот он!

Принцесса посмотрела на юношу и тихо прошептала Зелиме, служанке:

– Этого мне жаль! Красавец!

Та в ответ:

– Что-нибудь полегче загадайте!

– И замуж выти за глупца? Не смей и думать!

Адельма, служанка из пленных, в это время внимательно смотрела на Калафа. Она узнала юношу, которого спасла когда-то в Хорасане, дав ему работу. С ним были родители... Невольник тогда принцессы сердце покорил. Теперь оказывается, он – царевич!

Об этом думала Адельма, пока принцесса Турандот пыталась отправить юношу домой без испытанья:

– Обо мне плохое говорят. Ты выглядишь достойным человеком, поэтому считаю долгом объяснить. Женщины, мужчины – каждый выбирает пару для будущей семьи. Мне это безразлично, не нужно, понимаешь? Уж столько раз пыталась рассказать, но толку мало. Летят в огонь свечи, как мотыльки, сгорая, не оставив пепла. Зачем? Вот ты пришел зачем?

– Влюбился...

– Ну и что? Я тут причем? Мне из благодарности теперь полегче придумать загадки? Унизить тебя, себя, а после всю жизнь такого мужа презирать? Ты к этому готов?

– Нет, принцесса!

– Ну, хорошо, пусть будет так, как всем. Всем остальным, чьи головы торчат на пиках. Меня чудовищем еще раз назовут, а голову твою за день склюют вороны.

– Принцесса, вы спешите слишком! Рисуете картину, которой может и не быть, – Калаф собрал все силы и насмешливо взглянул на Турандот. – Надеюсь, загадки ваши будут интересны?

Какие мысли разные в головках служанок пронесли! Зелима мечтала прекратить жестокие забавы хозяйки, а Адельма хотела, чтобы ей Калаф достался. Каждая шептала советы принцессе: Адельма говорила о загадках потруднее, а Зелима – полегче.

А между тем, принцесса Турандот впервые в жизни ощутила волнение. Нет, это были не сомнения, а ощущения, названия которым не могла найти, как ни старалась. Жалость? Нет! Как будто искры странного огня проникли через кожу внутрь, и запылало пламя в груди. Поток горячей крови хлынул в мозг. Принцесса покраснела, испугалась, что заметят... Рассердилась, наконец!

– Ваше величество, отец! Переговоры ни к чему не привели. Приказывайте!

– Да, видно, быть беде! Тарталья, приступайте к оглашению Указа.

Не в первый раз читает Указ Тарталья, знает наизусть жестокий текст:

«Каждый, в ком течет хоть капля царской крови, может посвятаться к принцессе Турандот. Кто три загадки отгадает – станет мужем. Не сможет – должен быть казнен. Конфуцием клянусь Указ сей применять, хан Альтоум».

Тарталья приложил пергамент к губам, затем к груди, лбу и поклонился.

Указ вернулся в руки императора. Альтоум печально посмотрел на дочь и произнес:

– Говори свои загадки, Турандот.

Та строго начала:

– Есть в мире тот, кому законы человечьи, страсти, беды не могут помешать. Он всем желанен, совершенно независим от воли нищих иль царей. Везде он, даже здесь. Так кто это?

Принц постарался скрыть вздох облегченья – он ожидал задачку потруднее:

– Как вы мудры, принцесса! – и Калаф лукаво усмехнулся. – Это солнце!

– Неплохо, незнакомец! Вот другая: назови мне дерево, которое рождается и умирает каждый раз. Листья имеет черно-белые, они не вянут и не опадают. В этом дереве – тайна жизни человека и его кончины. Как тебе такой орешек? – принцессе нравилось, что юноша отважно схлестнулся клинками разума с ней, Турандот. Ей даже интересно стало, на какой загадке она одержит верх.

Калах стоял, скромно потупив взор. Ответ он знал, но не хотел принцессе показать и мудрецам, что разум Турандот не так остер, как славили его. Принц был влюблен, ему хотелось пощадить тщеславие любимой.

В глазах принцессы засверкал счастливый блеск, совпав по времени с мгновеньем, когда Калаф ответил:

– Это год!

Мудрецы открыли записи, проверили и объявили: «Год!»

Альтоум ликовал, Тарталья, Панталоне и Зелима улыбались. Слеза скатилась по щеке Адельмы – судьба ее любви решалась в этот миг.

За маской безразличия принцесса спрятала лютую злобу. При всех какой-то незнакомец отгадками доказывает, что умней ее!

– Ну, что ж, похвально! – Турандот взглянула пристальней на юношу, пытаясь внести смятенье в душу противника. – И третья загадка, наконец! Есть зверь, прекрасный и всемогущий. Четыре лапы мир объемлют, а два крыла от бед уберегут. Там, где он – любовь и счастье, изобилие и мир. Попытайся назвать мне имя зверя!

Принцесса не хотела проиграть. Откинув покрывала шелк с лица, она добилась своего – принц замер в восхищении. Забыл Калаф и зверя, и загадку о нем... Смотрел ошеломленно на принцессу и шептал: «Какая красота!».

Все замерли. Очнется незнакомец и ответит, или сегодня состоится казнь?

В напряженной тишине ангельский голос Турандот прозвучал раскатом грома:

– Ответа жду!

Усмешка торжества тенью закрыла сияние прекрасного лица. Это помогло Калафу остудить рассудок.

– Я знаю, о каком вы звере говорите. Это Лев Адрии!

Что в Диване началось! Ликовали все, кроме принцессы и Адельмы. Служанка в этом случае теряла надежду обрести любовь в лице Калафа. Принцесса Турандот терпела крах безмерного тщеславья и гордыни, что для нее было подобно смерти.

Альтоум, император Поднебесной, оставил кресло трона и вниз сошел, чтобы поздравить молодых, назначить свадьбы день.

– Я счастлив, дочь, обнять твоего мужа. Конец убийствам!

Император хотел еще что-то сказать, но Турандот посмела перебить отца:

– Не будет этого! Не выйду замуж ни за этого мужчину, ни за любого другого!

– Указ не отменю – и хватит! Прочь капризы. Сама поставила условия – изволь их исполнять! – Альтоум был рассержен.

– Отец, прошу всего лишь день. Мне не хватило времени загадки подготовить. Разреши еще раз испытать пришельца завтра...

– Нет, я сказал! Тарталья, Панталоне, мудрецы! Все было по Закону?

– Да, Властитель!

– Тогда жрецы пусть подготовят к свадьбе храм...

– Ты хочешь униженья моего и смерти, отец?

Альтоум не успел ответить. Калаф вмешался и не дал начаться ссоре:

– Стать немилым мужем женщины, которую боготворю? Нет, лучше смерть! Я не женюсь на вас, принцесса, успокойтесь! Хотите испытать меня еще раз? Я готов! Могу сам загадать вам, милая тигрица, не три, не шесть – всего одну загадку. Будет видно, чей ум сильнее – женский иль мужской!

– Говори! – принцесса была вне себя от ярости.

– Как зовут отца и сына, что имели все и враз все потеряли. Повторяю: имена отца и сына – больше ничего! Потом решите, что со мною делать: казнить иль выйти замуж за меня!

– Ну, что ж, так даже интереснее! Сразимся завтра, чужестранец, я готова, – и принцесса улыбнулась в предвкушении победы.

– Только будет в этот раз по-моему, принцесса! Достаточно убийств! Решим все без трагедий. Загадывайте друг другу хоть всю жизнь загадки – юноша свободен! Я так сказал! А выйдешь замуж за него – не выйдешь – дело твое. Он будет жить! – и Альтоум Калафу приказал идти за ним.

Все вышли.

Между тем, в серале мучилась тоской любви Адельма. Давно погибли ее родители при захвате Хорасана Альтоумом. Став пленницей, принцесса каждый день должна была смирять гордыню, прислуживая бессердечной Турандот. Девушка лелеяла мечту о мести, а тут еще нахлынули воспоминания о чувстве к Калафу. Быть может, мести час настал? Адельма решила присмотреться, послушать, что будет дальше, и действовать!

Пока Адельма размышляла, в сераль вошла принцесса Турандот в сопровождении Зелимы.

Впервые в таком отчаянии служанки видели надменную принцессу.

– Что делать? Как узнать мне имя наглеца, посмевшего мне бросить вызов?

– Красивый, умный юноша. Воспитанный, учтивый и влюбленный. Чем не супруг для вас, принцесса? – Зелима пыталась успокоить Турандот, но вызвала лишь взрыв негодования.

– Не смей мне говорить об этом! Мысль о том, что я должна кому-то покориться, приводит в бешенство. Мужчины – жалкие, тупые себялюбцы! Женская душа для них – потемки. В нас видят лишь предмет для наслаждений, легко меняя на невольниц и рабынь. Любить мужчины не умеют...

– Госпожа, но ведь и ваше сердце холодно. Оно молчит, мне кажется.

– Вот именно, что «кажется»! Не понимаю, что случилось вдруг во время испытания этого юнца. От ненависти сердце билось, как сумасшедшее! То горячей кровь становилась, то стыла от холода...

– Может быть, не ненависть сжигала, а любовь, мгновенно вспыхнувшая? – Зелима обрадовалась.

Адельма, сделав вид, что только подошла, сказала:

– Это стыд! Причина – выигранный чужеземцем поединок ума. Вы правы, госпожа! Завтра наглеца желательно на место поставить.

– Да, Адельма. Только как узнать нам имена пришельца и его отца? Уверена: его загадка связана с ним лично, – Турандот задумалась.

– Надо спросить у местных чародеев-каббалистов, – Зелима знала многих.

– Оставь забавы с ними для глупцов. Пусть верят им наивные, – принцесса нахмурилась.

– Красавец говорил, что в городе есть человек, который подтвердит его происхождение. Не жалея денег, за ночь нужно разыскать его, – Адельма собиралась воспользоваться случаем, чтобы найти друзей Калафа.

– Госпожа, мой отчим знает юношу. Он матушку прислал, чтоб новости о незнакомце та узнала и сообщила бы ему. Зачем? Не знаю... – Зелима суетилась, разбирая платья, взглянула на принцессу и наткнулась на сверкающий от ненависти взгляд.

– И ты молчала?! Зовите стражу! Быстро! За отчимом твоим!

– Но, госпожа! А вдруг это не он? – Зелима испугалась за мать и человека, который был так дорог матери.

– Адельма, на тебя могу я в этом деле положиться. Прикажи, чтоб привели в подвал. Я буду спрашивать сама!

В это время Барак беседовал с Калахом о превратностях судьбы.

– Зачем вы дали согласие на второе испытание? Цель, о которой вы мечтали, была достигнута. Настаивать вам нужно на свадьбе, – огорченно произнес Барак.

– Ценою ненависти прекраснейшей из женщин? Такая умница сумеет оценить душевность без корысти!

– Принц, вы говорите о принцессе? О Турандот?

– Конечно!

– Вы ошибаетесь. Душа ее черства и не способна оценить порывы благородства. Коварству Турандот предела нет! – Барак стало грустно.

– Завтра принцесса имени моего назвать не сможет. Вы единственный, кто знает здесь меня...

– Даже пытками никто не вырвет тайну у меня! – откуда было знать Барак-Хассану, что стражники уже отправлены за ним.

– А вот и соглядатаи! Смотри, Учитель! Идут по мою душу министры. Уходи! Лучше, чтобы нас вместе не видели, – заторопил Барак принц.

Барак-Хассан поспешно скрылся.

Панталоне и Тарталья сочувствовали юноше, но передали приказ Альтоума:

– Вас, незнакомец, до завтрашнего дня берут под стражу. Жаль, что отложили свадьбу! Кто знает, чем все обернется... Извольте следовать за нами! – и Калафа увели в отдельные покои дворца, заперев снаружи.

А Барак пошел домой, в корчму. Вдруг видит: по дороге пыльной, едва переставляя ноги, бредет старик – обычный нищий. Что-то до боли знакомое было в обличье странника... Внезапно осенило! Да это же Тимур, его Властитель Астраханский! Откуда? Как и почему?

– Мой государь! – Барак пал на колени прямо в пыль.

Старик долго смотрел, понять пытался, кто перед ним. Потом узнал:

– Барак! Как счастливо!

– Ни слова, мой государь, молчите! Я Хассан. Какими судьбами вы здесь? Где Эльмаза?
– Похоронил. Слезы закончились. Теперь ищу, вот, сына...

– Я знаю, где он! Завтра, если никто не скажет Альтоуму и принцессе ваше имя и Калафа, все изменится. Идите ко мне домой, вам нужно отдохнуть и сил набраться. О, как я счастлив снова видеть вас, Тимур!

И счастливо, и, вместе с тем, тревожно было на душе Бараха. А тут еще окликнула Скирина, жена:

– Хассан! С кем это ты?

– Да просто усталый и голодный путник. Помогите! Ты из дворца? Какие новости? Что делает принцесса?

– Зелима говорит, что ищет человека, который знает юношу, сумевшего загадки отгадать.

– Надеюсь, не проговорила, что юноша бывал у нас?

– Что в том плохого? Он такой разумный!

– Зато тебя судьба обидела умом! Так ты призналась?

– Ну и что? Зелиме говорила...

«Немедленно бежать! С Тимуром скрыться или самому? Несчастный путник внимание не привлечет. Он стар и слаб, Скирина все устроит. Только бы молчал о сыне и себе!» – Барах был в панике.

– Ты женщина душевная – покормишь и устроишь старика. Я пойду к Зелиме, поговорю с ней сам, – Барах рассчитывал свернуть с дороги во дворец и спрятаться в лесу до заседания Дивана.

Но... Не получилось! Не успел!

Труффальдино, евнухи и стража окружили старика, Бараха и Скирину.

– Ты кто? – Труффальдино ткнул Бараху в грудь.

– Хассан, мой господин, я корчмарь.

– Тебя-то нам и нужно! Принцесса приказала тебя к ней привести. А это кто? – и евнух кивнул в сторону Тимура.

– Да путник по дороге шел, просился на ночлег, – взглядом Барах молил Тимура подтвердить. Тот кивнул – мол, правда!

– А женщина? – Труффальдино прищурил лукаво один глаз.

– Впервые вижу!

– Вот и поймал тебя я на вранье! Скирину, жену твою, в серале знают. Пойдете к принцессе все трое! Стража, следите, чтобы не сбежали, иначе пожалеете!

Процессия направилась в сераль.

Проигрывать принцесса не привыкла. Чтобы узнать, кто те «отец и сын, что потеряли все», допрашивать Тимура и Бараха решила лично. Барах известен был под именем Хассан, а старика и вовсе никто не знал.

– Вы можете еще спастись. Имя юноши скажите – и вы свободны!

– Сожалею, но для меня он просто постоялец корчмы... – пытался объяснить Барах, но Турандот не собиралась слушать оправданья.

– Ты лжешь, корчмарь! Я вижу по глазам твоим, что знаешь имя, но не хочешь говорить. Вы не просто будете свободны – дам вам много денег. Еще раз повторяю – назовите имя пришельца!

– О ком вы спрашиваете, госпожа? – Тимур свой голос подал.

– Значит, не хотите миром расстаться. Эй, стража, батоги готовы?

– Да, принцесса, – Труффальдино выступил вперед.

– Приказываю высечь обоих!

– Не надо! Я, может быть, виновен, но старик... Он тут причем? – Барах собою был готов прикрыть Тимура от унижения, а, может быть, и смерти.

– Странно, что чужого человека защищаешь, – принцессе в пронизательности не откажешь. – Вот что, Труффальдино, начни со старика!

– Не надо, госпожа! Вам нужно мое имя? Я скажу!

– Нет, не говорите! Тем сына вы погубите!

– Ну вот, все, кажется, становится на место. Говори, старик, иначе плети погуляют по спине.

– Прикажете избить царя плетями? Кто после этого вас будет признавать принцессой?

– Значит, царь... А сына как зовут и где он?

– Я сам ишу его. Зачем тогда вам имя?

– Прошу, молчите! – умолял Барах.

Внезапно появилась Адельма и шепнула на ухо принцессе:

– Нужно срочно увести их в подземелье. Через минуту император будет здесь. Доверьтесь мне – я знаю способ, как узнать пришельцев имена.

– Труффальдино! Быстро пленников в подвал! Запри покрепче, я потом допрос продолжу.

Пленных увели, а Турандот задумалась: «Завтра я посмеюсь над дерзким юношей! Интересно, как Адельма собирается заполучить их имена? Странно, но старика мне жаль... Прочитать мальчишку – просто наслаждение! Но отец его выглядит ужасно! Видно, много перенес страданий. Ах, Турандот! Принцесса, что с тобою? Для других слова не выбирала, зачем ты лжешь себе? Что творится с сердцем? Почему то рвется из груди оно, то холодом озноба кожу жалит? Может, я больна? Какой-то ветер шальной принес болезни жар? Не понимаю...»

Вошел Альтоум:

– Вижу, дочь моя, что ты в раздумьях. Я оказался прав: на этот раз трагедии не будет. Знаю имена, но не скажу. А пленников беру под личную защиту. Да, не удивляйся, знаю все и даже больше. В Китае император я, а ты лишь дочь. Не хочешь замуж – не спеши, жди, когда проснется сердце. Не отвечай, не надо. Ухожу. До завтра! – и, повернувшись, император вышел.

Как мог доверить он судьбу царевича дочери, пусть умной и красивой! Сердце старого Альтоума сжигало письмо, спрятанное на груди. В нем говорилось, что царь Хорезма, захвативший Астрахань, грабитель и убийца, умер, а народ разыскивает по всему свету изгнанника – Тимура, его жену и сына. Жена Тимура умерла, а волею судьбы Тимур и сын его, Калаф, едва не пострадали от капризов девчонки! Да, отцовская любовь не знает меры!

«Так, – думала принцесса, – скоро весь Китай узнает имена «отца и сына, что потеряли все»! Все, кроме меня! И завтра мне придется пережить еще один позор? Ну, нет! Скорей пришла бы уж Адельма! Все ли получилось у нее? Только бы сошлось! Тогда я завтра буду на вершине блаженства».

А в это время Калаф грустил, закрытый евнухом Бригеллой в покоях царских, о принцессе. Последние события прошли мимо него – ничего не знал ни об отце, ни о судьбе Бараха. Знал он только, что завтра представится последняя возможность сразиться за любовь тем же оружием, которым мастерски владеет Турандот, – разумом. А это значит, что она должна любыми средствами узнать отца и сына его, Калафа, имена.

Вот и Бригелла, евнух, намекал, что кто-то готов прилично заплатить, чтобы пробраться сюда и с ним поговорить.

Вдруг Калаф услышал легкие шаги и затаился, ожидая появления гостей. То была Скирина в одежде стражника. Принц услышал шепот:

– Это я, Скирина, жена Хассана. Муж прислал сказать, что ваш отец здесь, в Пекине.

– Этого не может быть, – спокойно отвечал Калаф. Все было просто: если бы Скирина назвала Бараха не Хассаном, он бы поверил. Значит, все не так, и доверять не следует.

– И все же! Он отправил меня передать, что матери в живых уж нет, а отец ищет вас. Доказательством будет записка, которую отцу я передам.

– Благодарю вас, но не стоило трудиться. Если это правда, то завтра я увижу сам отца. Зачем ему писать сегодня? Уходите!

Не прошло и получаса, как половицы заскрипели вновь, и чья-то тень мелькнула у окна.

– Кто здесь? – спросил Калаф.

– Тише, Зелима. Я пришла тайком, чтобы сказать вам, юноша, о главном.

– Милая Зелима, поверьте, главное – любовь хозяйки вашей!

– Я о том же! Вам кажется, вас ненавидят – нет! Неправда! Давно и хорошо я знаю принцессу – она любит вас. Такое с ней впервые!

– Вы хотите сказать, что завтра прекрасная принцесса согласится выйти замуж? За меня?

– Не сразу. Гордость не позволит ей сказать слова любви. Привычка, наконец, и слава неприступной крепости. Мудрецам она хотела бы сначала имена ваши с отцом назвать, потом признается в любви и согласится выйти замуж. Я секрет ей передам сама, лично. Скажите, как вас зовут и кто ваш царь-отец.

– Понятно. Извините, я устал. Хочу побыть один.

– Упрямец! Ваша жизнь в ваших руках! И счастье тоже.

– Как точно вы сказали! Уходите!

Дверь скрипнула, Зелима удалилась ни с чем.

А через час Калаф увидел слабый свет, который исходил от лампы в руках Адельмы. Та тенью проскользнула к изголовью принца. Как бы ей хотелось приласкать любимого, но... Прежде дело!

– Проснитесь, чужеземец!

– Что случилось? – Калаф не сразу понял, кто пред ним.

– Незнакомец, выслушай Адельму. Другого случая не будет.

– Что за ночь! – Калаф рассердился. – Всю ночь ко мне приходят люди и пытаются узнать то, что хочу до завтра скрыть.

– Я не за тем пришла, не спрашивать. Я знаю и твое имя, любимый, и отца Тимура. Еще при первой встрече я тебя узнала и уже давно могла бы рассказать принцессе.

– Что помешало?

– Посмотри – тогда поймешь! – Адельма покрывало убрала с лица, и Калаф ахнул:

– Адельма! Царевна! Слух прошел, что ты мертва!

– Да, Калаф, почти. Мертва душа моя! Дочь Хейкобада, царя, принцесса Хорасана служит жестокой Турандот, которая виновна в смерти моей семьи.

– Быть этого не может!

– Может. Ты послушай, а потом решишь, что «может», а что – нет! Мой брат посватался к принцессе. Результат – копье, на нем – голова брата.

Отец, царь Хейкобад, собрав войска, отправился к Пекину отомстить за сына, предательски убитого. И проиграл сражение. Семью, включая и меня, бросили в поток, и все погибли. Я спаслась случайно: хан Альтоум увидел, что плыву, пытаюсь выжить. Отец принцессы не такой, как его дочь. Добрее. Он отправил меня прислуживать принцессе, что убила брата.

– Сколько испытаний выпало тебе, Адельма! Вместе с тобою скорблю, но помочь-то чем могу? Ведь сам я пленник любви своей!

– Не спеши любовью называть восторг перед личиной, за которой спрятан зверь. Я рассказала о себе затем, чтоб понял ты мотивы моих поступков. Побег из рабства ненавистного задумала давно, а тут тебя узнала во время испытания. Возможно, по-другому сложились бы обстоятельства, но несколько часов назад узнала я о том, что Турандот намерена тебя убить. Кто ты такой, узнать она не может. Я не хочу ей помогать. Вот ненависть, боязнь позора на заседании Дивана толкают Турандот на преступление. Я не хотела говорить, но я тебя люблю, причем давно. Еще с тех пор, когда смогла помочь с работой во дворце отца. Этой ночью нужно бежать, иначе смерть. Не сможешь полюбить меня – пусть так! Хочу, чтоб жил ты!

– Не могу! Уйти вот так, без боя и в потемках – позор! Уж лучше смерть! Есть еще причина, которая не даст мне совершить побег. Ты говорила о любви, а значит, знаешь, какою силой обладает страсть. Я полюбил принцессу такую, какая она есть. Пусть взбалмошная, пусть капризная, пусть злая, как люди говорят, но я ее люблю. Я даже смерть из рук ее готов принять с благоговением. Понимаешь?

– Понимаю, только пожалеешь, но поздно будет!

– Уходи одна, коль собралась бежать. Я остаюсь.

– Упрямец! Что ж, тогда прощай!

– Благодарю, Адельма! Постарайся быть счастливой, а я останусь, покорюсь судьбе.

Адельма молча вышла.

А Калаф без сна провел остаток ночи и встретил новый день, измученный тоской и мыслями о предстоящей схватке за любовь и жизнь.

Вскоре за ним пришел Бригелла, чтобы проводить на заседание Дивана. Калаф решил, что именно Бригелле поручено убить его.

– Я готов, но постарайся сразу в сердце попасть кинжалом. Надеюсь, что рука твоя крепка! – ночь без сна тенью отразилась на лице Калафа.

– Вы о чем это? – Бригелла ничего не понял. – Как часто вам дурные снятся сны?

– Ты думал, я бояться буду смерти? Не дожدهшься! – глаза Калафа искрились решимостью достойно встретить роковой удар.

– Быть может, жар у вас? За лекарем послать? – Бригелла даже испугался, что в нездоровье юноши его вдруг обвинят. «Вот дела!» – подумал он и стражников позвал, чтоб отвели пришельца сами.

Опасения Калафа не оправдались. Он вошел в зал, где должна была решиться его судьба, без приключений. Удивился:

«Что-то здесь не так! Я жив – Адельма обманула, все-таки!»

Альтоум встретил Калафа ласково:

– Счастливый день, о, сын мой, утро обещает! За дочью отправил я гонца. Как только Турандот войдет, я объявлю о вашей свадьбе. Непросто было мне ее уговорить. Твою загадку вряд ли разгадала, поэтому все сложится удачно.

– Ваше величество, не надо так спешить! – Тарталья не выдержал и вставил пару слов. – Вы знаете принцессу не хуже меня – без сюрпризов не обойтись! – а про себя министр подумал: «Выпороть девчонку – мало!»

– Ну вот! И я о том же! Идет принцесса, почему-то плачет! – Панталоне указал рукою в коридор, откуда вышла Турандот.

Все ахнули! Принцесса была одета в траурное платье, служанки – тоже. Под звуки траурного марша процессия вошла.

– Вы ждали – я пришла! – принцесса смахнула слезу. Играла роль она, иль искренне страдала – кто знает душу женскую до дна?

– Нет счастья высшего, чем видеть вас, любить! – слов у Калафа не хватало, чтоб чувство выразить.

– Ну что, принцесса, объявлять о свадьбе? При чем здесь траур? Для женщины замужество, семья и дети – счастье! – ликовал Альтоум.

– Не спешите, отец! Счастье – возможно, но не для меня.

– И слышать не хочу!

– Напрасно. Я могу ответить и вам, и юноше...

– И что ответишь ты? – Альтоум, улыбаясь, ждал...

Принцесса повернула свой волшебный лик в сторону Калафа и сказала:

– Ты – Калаф, сын Тимура! Достаточно? – гордо вскинула прекрасную головку и, торжествуя, оглядела зал.

Сумасшедший миг восторга, отчаянья и счастья заставил всех умолкнуть. Тишина тянулась долго, теша душу дьявольской принцессы.

Потом заговорили разом все:

– Не может быть!

– Чертовка, однако!

– Значит, умереть придется, – это принц сказал. Он подошел к принцессе, сидевшей на троне.

– Смысл моей жизни, Турандот, в любви к вам. Ненависть сжигает душу. Чтоб спасти вас, я кинжалом выбора лишу!

Выхватив кинжал, Калаф взмахнул рукой, чтобы пронзить себя. Но Турандот мгновенно, быстрой птицей, бросилась к нему, остановив полет кинжала.

– Милый! Зачем так строго? Я, вроде, замуж собралась за вас, а вы с кинжалом подружиться вздумали!

– Ох, принцесса! – это Панталоне выдохнул. – Ну, говорил же, что сюрпризы любит наша девочка!

– Как жаль, что матери нет рядом, – Альтоум заплакал.

Растерянно смотрел Калаф на Турандот:

– Поверить трудно счастью... Может, я что-то не понял?

– Ненавижу! – Адельма бросилась к кинжалу, брошенному на пол. – Я пыталась стать счастливой и свободной. Счастливой мне не быть, свободной – буду!

С этими словами Адельма попыталась убить себя здесь, на глазах у всех. Калаф успел перехватить удар, остановив кинжал.

– Принцесса, Адельма – дочь царя. Она имеет право на свободу. Прошу вас, отпустите ее!

– Теперь понятно, почему мне помогала узнать о вас. Как бы там ни было, она мне помогла понять себя. Отец, Адельма свободу заслужила!

– Да, дочь моя, она страдала много. Пусть будет вольной! Захваченное мною царство пусть берет, но... Я могу теперь о свадьбе объявить?

– Если любимая позволит, я хотел бы отца увидеть. Его так не хватает здесь! Больно сознавать, что мать не сможет увидеть нас счастливыми... – и слезы навернулись на глаза Калафа.

– Да, конечно! Панталоне, немедленно проводи царя Тимура к нам!

Едва передвигая ноги, царь Тимур явился в зале. Сын бросился к ногам отца:

– Отец! Теперь и в горе, и в радости мы будем вместе и свободны!

– Не только свободны! Таргалья, – обратился император к министру, – дай-ка мне письмо!

Альтоум развернул пергамент:

– В письме министр из Астрахани сообщает, что враг ваш и захватчик царства обезглавлен. Царство снова ваше!

Радость не убивает – лечит! Выпрямился царь Тимур – все беды позади. Жену любимую вот только не вернуть...

– Дочь милая! Теперь могу я, наконец, о свадьбе сообщить? – Альтоум в шутку рассердился.

– Да, отец! Пусть радостным и светлым будет этот день. Безмерною любовью наполнена душа. Надеюсь, жизни хватит, чтоб искупить вину и глупость прежних дней.

– Любимая, я буду рядом с тобой и помогу! – Калаф светился счастьем.

Так победило в поединке двух сердец вечное начало – Любовь!

Маттео и Мариучча

На удивительно прекрасном острове Корсика, окутанный пряным ароматом цветущих трав, кустарников и деревьев, уютно устроился городок Виджанелло. В нем жили сильные и очень красивые люди, которые умели любить.

Родились и выросли в этом городке Мариучча и Маттео. Девушку люди считали самой красивой на Корсике, а Маттео среди юношей отличался ловкостью, силой и отвагой. Никто не удивился, когда узнали, что Мариучча и Маттео полюбили друг друга. Великолепная пара! Дружно две семьи влюбленных, да и весь город Виджанелло, стали готовиться к веселому и счастливому событию – свадьбе. Родители влюбленных Мариуччи и Маттео приготовили для гостей настоящий пир! Приготовленные по корсиканскому обычаю, с ароматными специями, молодой ягненок, несколько баранов, зажаренные, с румяной корочкой, кролики и куропатки – яства были расставлены на столах. Две корзиночки со сладостями выставлены были на стол перед женихом и невестой. Так принято! После обильного свадебного застолья виновники торжества – жених и невеста – всегда осыпают друг друга медовыми лакомствами из корзинок. Тогда жизнь их, дом и семья будут счастливы и богаты.

Гостей собралось много – заполнили весь двор, а по улицам все шли и шли новые. Всем хотелось поздравить Мариуччи и Маттео, пожелать им счастья.

Неожиданно, из-за поворота на улицу вылетел на взмыленном коне всадник. Он кричал одно-единственное слово, но оно заставило сердце каждого сжаться и замереть от ужаса: «Сарацины!» Вместо того чтобы сесть за свадебный стол, люди заметались, пытаясь найти хоть какое-нибудь укрытие. Конь унес кричащего всадника дальше по улице, а со стороны холма, у подножия которого так уютно расположился городок Виджанелло, послышался тревожный, звенящий голос Коломбо и Пеллико. Две большие морские раковины звучали только в минуты опасности. Дозорные, для которых было честью быть рядом с раковинами, когда городу грозила беда, с их помощью предупреждали корсиканцев. Голоса Коломбо и Пеллико сзывали сынов и дочерей Корсики защищать родной остров от врагов. Эти голоса заставляли тревожно биться сердца и безусых юношей, и мудрых седых стариков. Каждый из них, а тем более взрослых и крепких мужчин, честью и жизнью своей отвечал за свободу родины, женщин, стариков и детей. Земледельцы и виноделы, пастухи и кузнецы превращались в воинов. И не было среди них ни трусов, ни предателей. Никогда!

Не успели еще смолкнуть звуки поющих раковин, мужчины мгновенно превратились в воинов. Оружие каждый хранил дома. С тоской и болью, словно прощаясь навсегда, смотрели вслед своим защитникам жены. Они прижимали к груди малышек, дети постарше прятались в широких юбках матерей. И только мальчишки провожали отцов горящими взорами юных воинов.

Мужчины устремились к берегу моря, где высаживались сарацины. Их было много, очень много. Гораздо больше тех, кто готов был умереть, но защитить от нашествия свой родной город, свои семьи и дома. Маттео был среди первых, кто достиг кромки моря. Такой кровавой битвы не припомнят даже старики. На одного защитника Виджанелло приходилось по десять сарацин. Слово саранча, сарацины облепили каждого воина, а те отбивали атаки до последнего вздоха. Все было кончено – погибли почти все защитники Виджанелло, а кто остался в пыли, истекая кровью из рубленых ран, завидовали мертвым. Тьма сарацин ринулась на город, грабя дома и убивая всех на своем пути. Плакала Корсика кроваво-серебристыми слезами неведомо откуда взявшегося на солнечном острове дождя. Маттео лежал под смоковницей. Ветви, которые в полуденный зной спасали от жгучих лучей солнца, теперь брызнули на него капельками дождя. Юноша очнулся, но лучше бы он оставался в беспомощности, умирая от глубоких ран.

Мимо смоковницы, укрывшей умирающего Маттео, дикой толпой шли сарацины. Они были нагружены награбленным в Виджанелло добром. Захватчики спешили перенести на свои корабли то, что отняли у жителей города. Молодых и красивых женщин сарацины захватили в плен, связали одной веревкой и вели на берег. Среди невольниц была и Мариучча. Самую красивую девушку забрал для себя предводитель сарацин. Отчаяние заставило Маттео позабыть о боли, терзавшей его израненное тело, и он попытался вскочить, сжимая меч в руке. Слишком много потерял крови – силы покинули воина, и он упал замертво. Сарацины прошли мимо...

Черной ночью над полем битвы пронесся Властитель Царства мертвых, собирая свою дань. Царской свитой вокруг него вились, каркая и хлопая крыльями, вороны. Черные птицы помогали отмечать новых подданных Властителя Царства мертвых, а тот жезлом касался тел храбрецов, навсегда покинувших мир Солнца. Наконец, увидел Властитель Маттео, который лежал без сознания в луже крови и едва дышал. Хотел, даже потянулся жезлом к плечу юноши, чтобы отметить, но не сделал этого:

– Он пока принадлежит себе. Вижу, что такого воина я еще не скоро получу в свои владения!

Маттео очнулся, понял слова Властителя Царства мертвых:

– Зачем жить? Город погиб, моя Любовь, моя Мариучча в грязных лапах врага...

– Странно слышать от человека, что он не хочет жить! – Властитель продолжал: – Для тебя, воин, любовь дороже жизни?

– Да, Всесильный! Мы, люди, живем ради Любви. Даже берем в руки меч, чтобы ее защитить.

– Может быть, может быть... – Властитель Царства мертвых задумчиво поглядел на смертельно бледного юношу. – Я помогу тебе вернуть твою Мариуччу, но через год ты умрешь. Согласен?

– Да, Властитель!

– Ты сделал свой выбор, пусть так и будет! – с этими словами Властитель Царства мертвых провел руками над распростертым на земле телом Матиаса.

Чудо свершилось – раны мгновенно затянулись, и Маттео встал. В глазах юноши горел огонь, на щеках играл румянец, руки крепко сжимали оружие. Воин смотрел в сторону моря, туда, где качались на волнах корабли сарацинов. Во вражеском лагере, огни которого мигали на берегу, была его Мариучча!

– Напрасно ты смотришь туда, неразумный! Что ты сможешь сделать в одиночку?

– Я должен! – и Маттео решительно двинулся к морю.

– погоди! – Властитель Царства мертвых стал мощно рубить смоковницу, под сенью которой еще так недавно лежал недвижный Маттео. Щепки летели во все стороны, мгновенно превращаясь в воинов с оружием в руках. Листья облетали с дерева, становясь щитами, а корявые ветви, выпрямляясь, – копьями. Тысячи воинов выстроились в шеренги, готовясь к битве. Они ждали только приказа своего предводителя – Маттео. Остатки дерева, изрубленного в щепы, вспыхнули и превратились в пепел.

– Теперь ступай! Помни об условии... – но Маттео уже забыл о Властителе Царства мертвых – его душа рвалась в бой, чтобы спасти свою Мариуччу и пленных женщин.

Не тратя времени на слова, юноша взмахнул рукой и скомандовал своему отряду:

– Вперед! На сарацинов!

А сарацины, обильно поужинав, спали. Они были пьяны не столько от вина, сколько от довольства: богатая добыча разбойникам досталась. Дозорных тоже сморил сон, поэтому они слишком поздно увидели наступление отряда во главе с Маттео. Этот бой закончился еще быстрее, чем тот, в котором погибли защитники Виджанелло. Только предводитель сарацинов с горсткой телохранителей успел отступить к кромке воды и забраться на один из кораблей, стоявших ближе других.

Первым делом Маттео освободил пленниц, среди которых была его любимая Мариучча. Он рассек кинжалом веревки, которыми сарацины связали девушек, крепко прижал к груди плачущую Мариуччу. Потом юноша повернулся к воинам, с которыми одолел врага, но никого не увидел. Его отряд растаял в воздухе, словно мираж.

В городе на улицах ликовали те, кто остался в живых после нашествия сарацин. Люди радовались и плакали. Обнимали вернувшихся домой пленниц, горевали по убитым.

Время – лучший доктор на свете. Постепенно, месяц за месяцем, жизнь с ее радостями и печалью вытесняла из сердец чувство невосполнимых потерь.

Теперь ничто не мешало отпраздновать свадьбу Мариуччи и Маттео. Город снова стал готовиться к свадьбе. Ведь горожане считали Маттео сыном Виджанелло. Это он спас город и людей во время нашествия сарацин. Вот и решили всем миром отпраздновать такое событие, как свадьба сына Виджанелло. Да так, чтобы потомки помнили! И день свадьбы выбрали подходящий – годовщину победы над сарацинами.

Маттео забыл о словах, сказанных Властителем Царства мертвых. Забыл сразу же, как только услышал их. Да и услышал ли? Всеми мыслями он был тогда в битве за свою любовь, за Мариуччу!

В день свадьбы улицы города заполнили жители Виджанелло. Все были в праздничных нарядах, только кое-кто еще носил траур по родным и близким, погибшим в тот день год назад.

Как счастливы были жених и невеста! Под колокольный звон Маттео и Мариучча стали обмениваться кольцами. И внезапно, заглушая воем голоса колоколов, налетел черный смерч. В мгновение ока он разметал людей, втянул в свою смертельную воронку Маттео и унес его, оставив ошеломленных горожан и Мариуччу, которые так и не поняли, что произошло. Никто, кроме Мариуччи, не увидел в этом смерче лик Властителя Царства мертвых.

– Не-е-ет! – кричала Мариучча. – Не отнимай, Властитель, моего Маттео! Я все равно найду твое Царство мертвых, заберу своего жениха!

Горячее солнце Корсики передает свой жар сердцам корсиканских девушек, отвага и решительность – главные черты их характера. Мариучча решила, во что бы то ни стало, отыскать своего возлюбленного. Быстро собравшись, она пошла искать Маттео. Знать бы, куда идти! Вышла красавица из города и остановилась в растерянности. Где же может находиться это Царство мертвых? Вдруг видит Мариучча, бочком к ней подскочила черная ворона. Умненько взглянула глазками-бусинками и заговорила человеческим языком:

– Стр-р-ранно! Сколько лет живу, такого кр-р-расивого колечка еще не видывала! Подар-р-ри, кр-р-расавица!

– Нет! – воскликнула Мариучча. – Не могу! – и прикрыла колечко ладонью другой руки. – Это мне мой Маттео подарил.

– Дай др-р-ругое! У тебя же два колечка!

– Второе я надену на палец моему Маттео, когда отыщу его в Царстве мертвых. Хочешь, подарю тебе сережку? Смотри, какая она красивая!

И Мариучча протянула вороне одну из своих сережек.

– Ладно! – согласилась на замену ворона. – А ты знаешь, где Царство мертвых?

– Нет, – печально произнесла Мариучча.

– Ступай на край света, туда, где солнце уходит с неба в конце дня. Поспеш, иначе солнце закатится, и ты не будешь знать, куда идти. И смотри, не сворачивай с пути, какие бы преграды ни были! – и черная птица, не ожидая слов благодарности, взмахнула крыльями и взмыла в воздух.

Девушка так и сделала: повернулась лицом к солнцу, которое уже покрылось румянцем заката, и быстро зашагала вперед. Что ей пришлось пережить! Первые дни пути ей навстречу еще попадались деревеньки, а потом Мариучча, стойко перенося жгучую боль от палящего солнца, шла по совершенно дикой пустыне. Обувь изорвалась об острые камни, ступни кро-

воточили, горячий песок обжигал. Чтобы не сбиться с пути, Мариучча была вынуждена идти только после полудня, вслед за солнцем. И так день за днем, как ей казалось, целую вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.